

Ник Перумов
Адамант Хенны
Серия «Миры Упорядоченного»
Серия «Кольцо Тьмы», книга 3

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=126121
Кольцо Тьмы. Свободное продолжение «Властелина колец»: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-12398-8, 5-699-12398-9*

Аннотация

Поставив последнюю точку во «Властелине Колец», профессор Толкиен закрыл дверь в созданный им мир эльфов и гномов, орков и гоблинов, хоббитов и людей и выбросил магический ключ. Лишь одному писателю – Нику Перумову – удалось нащупать путеводную нить в таинственный и хрупкий мир Средиземья. Задача оказалась непростой, ведь каждый неверный шаг грозил потерей тропы, каждое неточное слово могло погубить волшебство. Но талант победил. Мир Толкиена ожил, преобразился, заиграл новыми, ранее неизвестными красками и... превратился в мир Ника Перумова. А задуманное как свободное продолжение «Властелина Колец» произведение переросло в яркую, увлекательную эпопею, одну из самых заметных в российской и мировой фантастике.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	4
ПРОЛОГ	4
Глава I	6
Глава II	23
Глава III	44
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	66
Глава I	66
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Ник Перумов

Адамант Хенны

*Сноп огня в кулаке эта жизнь нажила,
Возжелавшая боли и брани,
И горят вдалеке полевые костры,
И остры адамантовы грани.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1732 ГОД. НАЧАЛО ЛЕТА

ПРОЛОГ

Власть натешившись, волны швырнули на береговой песок бесчувственное человеческое тело. Слугам Ульмо быстро наскучила скверная игрушка, бросившая даже и бороться за жизнь. Пока она билась, дёргалась, извивалась, отчаянно пытаясь вырваться из зеленоватой пучины наверх, к живительному свету и аэру, – они с удовольствием забавлялись ею, опрокидывая в последний момент, когда несчастному уже казалось, что он вот-вот сможет глотнуть воздуха. Волны внезапно и коварно обрушивались с разных сторон, загоня тонущего в глубину, погребая его под своими прозрачно-голубыми телами. Он избавился от тянущей ко дну одежды и сапог, но всё напрасно. Его неумолимо затягивало всё глубже.

Тонущий сопротивлялся до последнего. Однако с каждым мигом силы таяли, и вот наконец руки бессильно повисли, голова запрокинулась – человек оказался в полной власти бессердечных волн. Они забавлялись с утопленником ещё некоторое время, но, видя, что он вот-вот пойдёт ко дну, мгновенно оставили его в покое, устремившись на поиски новой игрушки. И тут внизу, в тёмной и холодной глубине моря, где-то в мрачных придонных впадинах, куда редко заглядывает сам Оссе, внезапно родилось некое движение: вверх устремилась размытая тёмная тень, не имевшая чётких очертаний. Волны в ужасе шарахнулись от неё, поспешно уступая дорогу. Тень на миг замерла прямо под идущим вниз телом несчастного – и тотчас же растворилась, исчезла, словно её тут никогда и не было. Однако появление её не осталось без последствий. Раскинув руки, тело начало медленно подниматься из глубины вод. И едва на поверхности появилось бледное, уже заострившееся, словно в посмертии, лицо, как с запада примчал ещё один, новый вал, легко подхвативший ничтожную капельку живой плоти, что оскверняла свободную стихию моря, и брезгливо, точно мусорщик падаль, погнал к берегу. Швырнул в нерастраченной злобе на песок – и отступил, весь в белой пенной крови.

Некоторое время тело оставалось недвижимым. Потом с хриплым выдохом-проклятием спасшийся приподнялся на локтях – изо рта тотчас хлынула вода. Застонав, он вновь рухнул; однако миг спустя поднял голову, словно встревожившись. И верно – с запада, поднимаясь всё выше и выше, катилась исполинская зеленоватая волна, которую издали можно было принять за облачённого в доспех воина, с пенным плюмажем на шлеме.

Взор человека вспыхнул. Судорожным рывком он вскочил на ноги, нелепым подпрыгивающим бегом устремившись прочь от ненавистного моря. Перевалил за гребень песчаной дюны и рухнул, скатившись в неглубокую, поросшую мягкой травой впадину.

Зелёная волна на горизонте разочарованно разгладилась.

Спасшийся постепенно приходил в себя. Силы мало-помалу возвращались к нему; несмотря на царивший вокруг холод поздней осени и собственную наготу, человек, казалось, совсем не мёрз. Он медленно сел; мозолистые, крепкие ладони бывалого воина и морехода обхватили голову. Человек словно бы пытался вспомнить нечто очень важное, пытался – и не мог.

– Не помню... – прошептали посиневшие губы. – Ничего не помню... Имя? Нет... Слова... одни только слова...

Стояло звонкое и жаркое лето.

По узкой лесной тропке ехал всадник – горбун в немудрёной чёрной одежде. Ему то и дело приходилось низко нагибать голову, кланяясь протянувшимся поперёк тропы ветвям. В правой руке он сжимал обнажённый меч; лезвие покрывала какая-то зеленоватая слизь. Капли медленно катились по ложбинке кровостока к опущенному острию и падали наземь.

Меж деревьями открылся просвет. Перед всадником расстился роскошный луг, а в дальнем конце его над зелёным разнотравьем медленно поднималась зыбкая серая тень.

– Всё, как и рассказывали, – прошептал всадник. Конь захрапел, не слушаясь повода; наездник спешил. Привязал коня, поправил меч и двинулся вперёд. Зыбкая тень уже успела сложиться в чудовищное подобие самого пришельца; длинный меч вытянулся едва ли не на шесть футов.

– Я не отступлю, – холодно и скрипуче проговорил горбун, обращаясь к фигуре. – Я и так уложил многих твоих братьев, не миновать того же и тебе!..

Подняв клинок, горбун спокойно шагнул навстречу призраку, за спиной которого маячило разверстое устье пещеры...

...А когда горбун Санделло возвращался назад, лицо его, костистое, исчерченное морщинами, казалось, светится от счастья.

Глава I

ИЮНЬ, 3, ХОРНБУРГ, РОХАНСКАЯ МАРКА

Усталое войско возвращалось домой. Позади остались привольные степи; Белые горы, поднявшись, закрыли полнеба. Миновав Врата Рохана и перейдя Исену, ратники расположились на отдых в Хелмском ущелье.

Эти места совсем недавно вновь вернулись под твёрдую руку Эдораса. Минуло всего два года, как молодой король Эодрейд отчаянным натиском взял главный оплот закрепившихся в Вестфольде ховраров. Штурм тогда был тяжёлым, страшным, кровавым; если бы не помощь гномов, что вновь, во исполнение давней клятвы, ударили в спину защитникам крепости, Хорнбург бы устоял. После победы Эодрейд опустошил казну, остатками золота купив искусство Подгорного племени, и те за истекшее время сделали цитадель Холма совершенно неприступной.

Крепость стала опорой роханского наступления на запад. Та, двухлетней давности война провела по Исене закатный рубеж марки – кровью провела! – а теперь, после нынешнего похода, граница отодвинулась ещё дальше в степи, на три дня доброй скачки, как записано в грамотах «Вечного мира» с хазгами, ховрарами и дунландцами. Нынешний поход считался победоносным – во всяком случае, именно так повелел возглашать герольдам король Эодрейд.

Встречать войско вышло немало народа – почти все нынешние обитатели Вестфольда, все, кто остался за чертой Сбора. Женщины, старики да ребятишки – мужчин забрала война, а подростки в это время несли охранную службу на границах. Несмотря на военное лихолетье, встречу воинам подготовили пышную – на зелёном ковре долины ждали накрытые столы. Старики качали головами – мол, не те яства, что раньше, куда как не те; но Рохан только-только начал оправляться от истребительного кошмара Исенской дуги, и на глаза воинов навёртывались слёзы – они-то знали, чего стоило их жёнам собрать угощение...

Но праздник начинался с иного. Торжественным маршем один за другим в крепость входили роханские полки.

– Скажи мне, скажи, когда будет Холбутла! – теребила старшую сестру совсем юная девчушка лет четырнадцати, с длинной золотистой косой. – Скажи, ну скажи, а?!

– Да зачем тебе это? – поджала губы та. – Он на тебя и смотреть-то не станет! Даром ты по нему сохнешь, глупая!

Вокруг засмеялись.

– Сама ты глупая! Знаю, Фалда своего ждёшь не дождёшься! Не терпится?.. – тотчас огрызнулась младшая. – А мне уже про мастера Холбутлу и спросить нельзя!

Смех усиливался.

– Ишь, какая бойкая! Самого маленького выбирает! Чтоб, значит, удобнее было... (послышалось двусмысленное хихиканье). А не рано ли тебе, красотка? Подросла бы сначала, а?

– Маленького, да удаленького! – ухмыльнувшись, прошамкал беззубый дед. Годы согнули его спину, но не стёрли с лица многочисленных шрамов – этот бывалый воин стоял в своё время на Исене... – Он у короля Эодрейда мало не лучший!

– Вот и я говорю, – подхватила какая-то женщина, – Эовин всегда о героях мечтала!

Но смутить девушку оказалось не так-то просто.

– О ком хочу, о том и мечтаю, и спрашивать ни у кого не стану! – сердито выпалила она, резко откидывая назад тяжёлую косу. – А Холбутла – герой, это все знают! Мама мне про него рассказывала – он ещё на Исенской дуге отличился! И в Эдорас первым ворвался!

– Верно, верно, – кивнул старик. – Храбрости он непомерной! И откуда только берётся... Так взглянешь – одним взмахом зашибёшь! Ан не тут-то и было...

– А говорят, у сородичей его, которых гондорцы «половинчиками» зовут, своё волшебство имеется, говорят, они исчезать умеют, а ещё такое заклятье знают, что стрелы у них всегда в цель летят! – затараторила женщина.

– Будет болтать-то! – неодобрительно покачал головой дед. – Тоже выдумала – волшебство какое-то! Нет в них никакого волшебства и никогда не было. А разговоры все эти пошли, потому как лучше мастера Холбутлы и впрямь никто стрелы бросать не умеет!.. Э... э, погодите, балаболки! Эовин! Ты спрашивала – вот он, твой Холбутла!

В широко распахнутые ворота Хорнбурга входил бравым шагом полк пеших лучников. Война безжалостно проредила их строй, во всём полку осталось не более трёх сотен воинов. Маршировали они тем не менее бодро, а впереди всех нешироко, но быстро шагал низкорослый командир. Несмотря на жару, он не расстался ни со шлемом, ни с доспехами – похоже, для него они превратились в подобие второй кожи. На широком поясе воина висел недлинный меч, по обычным людским меркам – просто кинжал, лишь более широкий. За спиной начальника стрелков виднелся колчан со странным, белого цвета луком. Оружие это уже успело прославиться от Пригорья до Исены, от Эдораса до Мордора – знаменитый лук Холбутлы, из которого он попадал в брошенную изо всех сил вверх монету или пробивал птичий глаз в полной темноте.

За командиром Холбутлой двигались шеренги воинов – по шести в ряд. Полк снискал большую славу: благодаря меткости его стрелков роханская армия смогла с налёту взять сильно укрепленный Тарбад – важнейший южный оплот захвативших Арнор истерлингов. Ни один из защитников не смог высунуться из бойницы: воздух наполнила колючая свистящая туча, и, касаясь тел, она волшебным образом оборачивалась торчащими из окровавленной плоти простыми деревянными древками. Казалось невозможным, что смертные, не эльфы, могут стрелять так быстро и метко, но все знали, что мастер Холбутла не даром ест свой хлеб и не зря гоняет новобранцев до седьмого пота. В полку были собраны лучшие стрелки роханских земель, они могли запросто остановить любую атаку. В тяжёлой Тарбадской битве, когда удача отвернулась от Эодрейда, полк Холбутлы упёрся насмерть, перекрыв дорогу уже набравшей разбег истерлингской коннице, защитив оголённый бок войска, и продержался до тех пор, пока не подоспел хирд Дори Славного... Полк стоял по колени в крови, а перед его строем громоздился скользкий вал из конских и человеческих тел, весь утыканный длинными серооперёнными стрелами роханских удальцов... Об этом знали, и об этом помнили.

Полк мастера Холбутлы миновал ворота крепости. Там, на зелёной траве Хелмского ущелья, толпились те, кто пришёл встретить ратников. Все кричали разом – кто-то надеялся увидеть в строю родное лицо, выкликал по имени мужа, брата или сына, кто-то просто орал «Наши!» или «Победа!»; визжали и вопили дети.

– Мастер Холбутла-а! – подпрыгивая, закричала девчонка со звонким именем Эовин, названная так в честь знаменитой девы-воительницы, сокрушившей вдвоём с далёким предком мастера Холбутлы самого Короля-Призрака на Пелленорских полях.

Низенький командир лучников услышал переливающийся серебром голос девушки и, улыбаясь, повернулся. Когда-то он, верно, был румян, круглощёк и русоволос; а теперь почти все волосы стали снежно-белыми от ранней седины, щёки ввалились, над переносицей пролёг застарелый шрам. Серые глаза потеплели; давно застывший в них холод, свойственный бывалым воинам, на время отступил.

– Привет и спасибо за встречу! – крикнул в ответ командир лучников.

– Слышала?! Слышала?! Он ответил мне! А ты говорила – и не посмотри! – Эовин показала язык недовольно отвернувшейся старшей сестре. – Спорим, что я станцую с ним после сегодняшнего пира!

– Совсем в уме повредила девка, – лицемерно вздохнула женщина рядом, та самая, что утверждала, будто сородичи Холбутлы владеют магией, но её желчь пропала даром – дерзкая девчонка скорчила ей рожу и ловко, точно ящерка, скользнула прочь сквозь толпу.

За полком лучников шла тяжёлая панцирная пехота. Её с большим трудом возродили в Рохане совсем недавно, переняв часть у гномов, а часть у истерлингов; Вестфольд, чья фаланга каменной плотиной запирала путь бурному половестью ангмарцев и истерлингов на Исенской дуге, лишился в том кошмаре всех до единого бойцов.

Пеший полк был почти вдвое многочисленнее стрелков и возглавлялся двумя тоже невысокими, но очень широкоплечими воинами. Ростом они были по плечо роханцам, зато руки их толщиной и силой могли соперничать с медвежьими лапами.

– Гляди, гляди – гномы! – зашумели в толпе.

– Что, те самые? Рыцари Торин и Строри?

– Разуй глаза, кибитка! Кто ж ещё? Кто у короля полками панцирников командует? Эггей! Тангарам преславленным – привет!

Один из командиров-гномов на ходу повернулся к крикнувшему.

– И тебе привет тоже! – гаркнул он так, что у всех без исключения заложило уши. – Ну как, всё тут у вас готово? Пива наварили?

– Наварили, наварили! – отозвался целый хор голосов. – Будет чем жажду утолить!

– Вот и славно! – заметно оживился второй гном, пониже ростом. – У меня горло ну прям-таки совсем пересохло! Если на мою долю меньше полновесной бочки достанется – обижусь смертельно!

И воины, и встречавший люд захохотали.

– Да там и пять бочек на брата будет, и шесть даже! – крикнул кто-то.

– О! – Маленький гном вскинул руку. Латную рукавицу он так и не снял. – А я-то боялся – ну как не хватит? – закончил он с уморительно-серьёзным видом.

Последним, по недавней роханской традиции, в крепость въехал король Эодрейд. Победоносного правителя, вернувшего почти все роханские земли, встретили дружными восторженными криками. Миновав ворота, король натянул поводья и привстал в стремях.

– Спасибо вам за ожидание и встречу! – крикнул он. В наступившей тишине его голос достигал самых дальних уголков ущелья. – Мы победили! Правый берег Исены вновь наш, и с западного рубежа наших владений вновь видно море! Недалёк тот день, когда мы вновь будем владеть всем, чем владели наши предки, чем владел великий Тенгел Трижды Прославленный! А пока давайте отдыхать и радоваться! Пусть сегодня здесь будет настоящий праздник!..

Торжество и в самом деле удалось на славу. Король, его юные сыновья и дочь, все маршалы марки, военачальники полков, вся знать были в эту ночь с теми, кто мечом или плугом приближал победу. Эодрейд, хлебнувший лиха в страшную осень 23-го, не чурался незнатного люда – и, кстати говоря, никогда не употреблял слов «чернь» или «простонародье»...

Правда, потом, когда над Хелмским ущельем щедро вызвездилось высокое летнее небо, правитель Рохана всё же собрал «ближний круг» в высокой башне Хорнбурга, в том самом покое, где стоял, глядя на сражение, сам великий Теоден. Стол накрыли на десятерых – король, его маршалы и военачальники. Их осталось немного – нынешняя армия Рохана не в пример меньше той, что насмерть стояла на Андуйне и Исене...

Нет нужды говорить, что Фолко, сын Хэмфаста, более известный в Рохане как мастер Холбутла, и друзья гномы Торин, сын Дарта, и Строри, сын Балина, по прозвищу Маленький Гном, были в числе приглашённых.

Былому «хоббиту не от мира сего», книжному червю, что изобретал тысячу и один способ отвертеться от прополки репы или окучивания картошки, в этом году исполнялось тридцать восемь лет – для народа невысокликов лишь самое начало зрелости. Правда, глядя на него нынешнего, никто из сородичей не дал бы ему меньше пятидесяти. Война на Западе полыхала уже без малого десять лет, то призатухая, то вновь охватывая истребительным пожаром все земли от Белых гор до Голубых, и, увы, оставляла свои следы и на лице Фолко.

Однако кое-что и не изменилось, например, мифрильный доспех или, главное, таинственный клинок Отрины с украшенным голубыми цветами лезвием, клинок, что оборвал земной путь Олмера, Короля-без-Королевства. Фолко не расставался с оружием ни днём ни ночью. За десять лет износились, истёрлись кожаные ремешки ножен, и Малыш по просьбе хоббита выковал тонкие, но очень прочные цепочки, на которых теперь и висел кинжал.

Гномы изменились меньше: их раса отличается долголетием, двести пятьдесят лет для них – тот возраст, когда ещё выходят на бранное поле и крепко держат топор.

– Эй, Малыш, сколько можно копать?! – выходил из себя Торин, уже стоя у двери. – Опаздываем! Невместно нам приходиться позже остальных! Ты не девчонка, чтобы прихорашиваться перед зеркалом! Надевай что ни есть, и айда!

– Оставь ты его, Торин, – невозмутимо заметил хоббит, закалывая фибулой нарядный плащ. Поневоле пришлось обзавестись изрядным гардеробом – король Эодрейд очень хотел, чтобы его двор выглядел попышнее и попрядничнее, и понятно – люди устали от войны и ждали простых радостей вроде нынешнего праздника.

Разумеется, давно прошло время, когда друзья со священным трепетом входили в общество сильных мира сего. Ныне они сами стали сильными. Не они искали службы, а служба искала их. Умный и дальновидный Терлинг, правитель Нового королевства, которое роханцы по привычке называли Арнором, звал всю троицу к себе, предлагая высшие посты в своей армии, после того как ополчение Хоббитании под командованием Фолко Брендбэка, сына Хэмфаста, и его спутников-гномов наголову разгромило вторгшуюся орочью орду в 26-м. Этчелион, герцог захваченного истерлингами и харадримами Итилиэна, едва не посадил всю троицу под замок, узнав, что они намереваются оставить его отряд. Правитель беорнингов предлагал лучшие лены в его владениях, если Фолко и гномы согласятся стать военачальниками в этом королевстве... Друзья привыкли. За прошедшие годы они не раз вступали в армии Рохана, Гондора, Беорнингов, сражались за Хоббитанию, но всякий раз уходили после того, как победа была достигнута, не отказываясь от почестей, но отвергая попытки навсегда оставить их в тех краях. Эодрейд понял это первым и не навязывал друзьям свою волю. Потому-то Фолко, Торин и Малыш чаще всего оказывались именно в рядах роханского войска... А впереди них уже летело рождённое военным лихолетьем поверье: «Там, где невысоклик, Гном Большой и Гном Маленький, – быть победе!»

Прошли давно и те времена, когда друзья сражались простыми ратниками в рядах полков, гадая, что сделают назавтра командиры и правители. Теперь они сами сделались командирами. Повинуясь их приказам, шли в атаки сотни людей. Война – лучший, хоть и жестокий учитель; она вышколила Фолко, превратив из мирного, чуть хвастливого и несколько наивного хоббита в опытного, бывалого командира, – случай для его сородичей совершенно небывалый. К тому моменту, как судьба вывела его на стены Серых Гаваней, преображение уже почти завершилось. Десять последующих лет он набирался опыта, поднимаясь всё выше в тех армиях, куда посылала его совесть. Он не стал наёмником, солдатом удачи – нет, он воевал за то, чтобы Запад вновь стал бы прежним. В Рохане это почти удалось сделать, и Гондор уже восемь лет как вернул себе Минас-Тирит; дело теперь за Арнором, и Фолко

верил, что придёт день, когда над башнями Аннуминаса вновь взвѣтсѣ бело-синее знамя – знамя, под которым он впервые пошѣл в бой. Хоббит понимал, что мир никогда уже не станет таким же, как встарь – исчезли Гавани, пал Кэрдан Корабел, – но не воевать за то, чтобы вернуть к жизни хотя бы призрак кажущегося сейчас таким прекрасным прошлого, он не мог.

На поздний ужин к Эодрейду они явились вовремя, при полном параде, при мечах и топорах, в лучших одеждах – только без доспехов. Мифрильные кольчуги и всѣ прочее Малыш самолично запер пятью замками, не доверяя никому. А открыть замки, сработанные Маленьким Гномом, можно было, лишь разнеся в щепки саму дверь.

– О! Мастер Холбутла! Почтенные гномы! – Король поднялся из кресла, оказывая честь своим лучшим рыцарям.

– Приветствуем могучего Эодрейда... – начал было Фолко обычное придворное приветствие, однако правитель остановил его властным жестом:

– Сейчас не до церемоний... На поле под Тарбадом вы говорили со мной совсем иначе! И я хотел бы, чтобы так осталось и впредь. Садитесь! Угощение небогато, но требовать большего с Вестфольда... – он покачал головой, – садитесь, я собрал вас не есть, а говорить.

Учтиво раскланявшись с остальными маршалами, Фолко и гномы уселись на свободные места возле длинного стола. К немалому огорчению Малыша, на белоснежной скатерти сиротливо уютилось лишь несколько блюд с лёгкой закуской. Пива не было совсем, вместо него стояли тѣмные бутылки старого гондорского, явно ещё довоенной закладки. (Войной все на Западе называли именно вторжение Олмера, а отнюдь не те бесчисленные походы и сражения, что последовали за гибелью Короля-без-Королевства. Время оказалось разрезанным надвое – до Войны и после. Нечего и говорить, что теперь времена «до Войны» почитались истинным Золотым веком.)

– Друзья, – король опустил золотую чашу – единственную реликвию, что осталась в роду роханских королей от Теодена Великого, – для всех на Западе, Севере и Востоке наш поход закончен. Однако же это не так.

Эодрейд умел поразить приближённых. Даже видавшие виды маршалы изумлѣнно воззрились на правителя. Малыш и тот бросил с тоской озирать стол – не появится ли на нём внезапно что-нибудь посущественнее из еды? – и, приоткрыв рот, оторопело уставился на короля.

Эодрейд выглядел очень внушительно. Ему едва минуло сорок лет, и он был в расцвете сил; золотые, как и положено роханскому правителю, волосы ниспадали до плеч, глубокие серые глаза смотрели жѣстко и пронзительно. Длинные усы опускались до подбородка – мода, перенятая у восточных племѣн, хотя в этом никто не хотел признаваться. Шрамы – лучшее украшение мужчины – пересекали его лоб и левую щѣку. Обычно король одевался подчѣркнuto скромно, однако на праздниках роскоши его одежд могли бы позавидовать даже короли Нуменора. И мало кто знал, что все эти украшения – золотое шитьѣ, алмазы, сапфиры, изумруды, бархат и парча – всѣ взято взаймы у гномов, а королеве приходится ночами гнуть спину, вышивая плащи для торжественных выходов подземных правителей... Порой, не кичась короной, ей садился помогать Эодрейд, но об этом знало лишь несколько человек во всѣм королевстве, и невысоклик Фолко, сын Хэмфаста, был среди них.

– Однако же это не так, – повторил король, пристально оглядывая соратников. Все они, как один, были очень молоды для своих высоких постов: старая гвардия Рохана вся полегла на Исенской дуге. Сейчас королевство Эодрейда с трудом могло выставить восемь-десять тысяч копий – и это лишь если призвать всех, от пятнадцати до пятидесяти. Впрочем, народ-войско иного и представить себе не мог.

– Война только начинается, друзья, только начинается. – Король поднялся из-за стола, по привычке держа в руке чашу Теодена, полную до краёв. Так, с полной чашей, король зачастую и заканчивал пиры – он не любил хмельного.

– Но... мы же приняли «Вечный мир»! – пробасил Эркенбранд, уже немолодой, огруженный воин, прямой потомок того самого Эркенбранда Вестфольдинга, что сражался с ратями Сарумана в дни Войны за Кольцо. Он единственный из старых приближённых Эомунда, отца Эодрейда, кто прошёл Андуйн, Исену и дожил до этих дней. За ним единственным молчаливо признавалось право перебивать короля.

Эодрейд спокойно кивнул:

– Верно, Храбрейший. Но разве человек, которому приставили к горлу нож и вынудили расстаться с его добром, не имеет права вернуть своё достояние силой? У нас отняли плоды наших побед, тарбадская неудача дорого обошлась Рохану... И потому для меня моё имя на том пергаменте, которому придают столь большое значение ховвары, дунландцы и хазги вкупе с истерлингскими варварами, не более чем росчерк, оставленный ребёнком на прибрежном песке. Ещё миг – и волна сотрёт письмо без остатка... Так и здесь, Храбрейший. Я принял мир, потому что иначе войско могло бы понести слишком тяжкие потери на обратном пути. Я сделал так, что мы смогли вернуться беспрепятственно. Договор сделал своё дело, и его можно забыть.

Король вновь обвёл всех собравшихся взглядом:

– Да, я знаю, о чём вы все сейчас думаете – как же так, правитель Рохана дал слово, а теперь собирается вероломно нарушить его! Признайтесь, каждому ведь пришла в голову эта мысль, не так ли? Мне она пришла первому, уж поверьте. Но иного выхода у нас нет. Олмер был великим завоевателем, что бы о нём ни говорили. И он знал, как нужно нападать – внезапно, стремительно, не давая врагу опомниться, на его плечах врываясь в города! Вспомните повесть Теофраста Письменника... Если мы не переймём уроков Короля-без-Королевства – Исена может повториться. Только на сей раз уходить будет уже некому и возрождать Рохан тоже. На Дуге у нас было шестьсот полных сотен! Никогда Рохан не выставлял такой силы, и что же? Наша рать была стёрта в пыль! Я до сих пор поражаюсь, как потом удалось собрать тридцать тысяч...

Фолко сидел ни жив ни мёртв от изумления. Эодрейд, благородный король Рохана, чьё слово считалось крепче камня, готов первым втоптать своё имя в грязь, покрыв себя вечным позором. Слова рвались у Фолко с языка – он неложно уважал правителя Рохана, они не раз сражались бок о бок, и покорно склонить голову после ТАКОГО – нет, это не для него!

– Немного внимания, друзья. – Король поднял руку. – Послушайте меня ещё немного. Суть того, что я хочу сказать вам, весьма проста. Дело в том, что заключённый нами мир – не обычный мир. Все понимают, что ни мы с хазгами, ховварами и прочими находниками ужиться не сможем, ни они с нами. Поэтому одно из двух – либо они уничтожат нас, либо мы уничтожим их. Вспомните, как сражались дунландцы в этой войне!

Фолко помнил. Однако он помнил и роковой удар дунландской пехоты в тыл уже окружившим воинство Олмера роханцам во время Исенской битвы, помнил и страшную месть уцелевших степных всадников... Под кровавыми счетами черту не подведёшь. Да и теперь чудом уцелевшие остатки дунландского племени вновь дали бойцов в армию ховваров. И дрались дунландцы отчаянно...

– Долго так продолжаться не может, – говорил король, лицо его мало-помалу темнело от сдерживаемого гнева. – Настанет день, и нас сотрут с лица земли, если мы до этого не внушим всем врагам такой ужас, что они начнут пугать детей в колыбелях нашим именем!

Фолко опустил глаза. Что-то ворохнулось около сердца тупой, ноющей болью. Знакомые слова... Мечь, мечь и ещё раз мечь! – разве он сам не жил по этому волчьему закону последние десять лет?

Король отпил из чаши – небывалое дело, верный признак того, что Эодрейд сильно взволнован.

– Сейчас никто не ждёт нашего удара. Вражьи прознатчики доложат, что войско ушло в Хорнбург и его вот-вот распустят по домам. А мы в это время пройдем тайными тропами через Белые горы, обогнем их с запада,отрежем ховраров и хазгов от помощи Отона и Терлинга, а потом начнем большую охоту! Живым уйти не должен никто.

– Мы воины, а не палачи! – прохрипел Эркенбранд. Глаза старого солдата горели от гнева.

– Знаю. – Голос Эодрейда зазвенел. Король тоже с трудом сдерживал ярость. – Выбирай, Храбрейший: или мы станем палачами сами, или другие станут палачами для нас! А я хочу, чтобы Рохан жил. Любой ценой, и моя собственная жизнь, да что там жизнь – честь! – ничто в сравнении с этим. А уничтожив всех врагов в междуречье Гватхло и Исены – и тем более взяв Тарбад! – мы сможем по-другому говорить с Аннуминасом... Мы заставим их признать нашу неприкосновенность!.. А теперь я хочу услышать вас. И первым прошу встать тебя, мастер Фолко!

Хоббит удивленно поднял брови – он никак не ожидал подобного. Бросил быстрый взгляд на друзей гномов: лица их были непроницаемы, словно каменные маски. А это, в свою очередь, значило, что услышанное им не нравится, и притом очень сильно.

Фолко поднялся. Уловив на себе неприязненный взгляд Эркенбранда, он повернулся к старому воину и почтительно поклонился ему.

– Мой повелитель, быть может, начать лучше было бы Храбрейшему?..

– Предоставь решать это мне! – непривычно жестко отрубил король. – Ты тоже был и на Андуине, и на Исене... как и я, кстати. Так что говори смело.

Фолко поднял брови – так, чтобы это видел засопевший от обиды Эркенбранд: мол, всё понимаю, но выполняю приказ, не обижайся на меня, Храбрейший, и начал:

– Мой повелитель, по-моему, это безумие. Войско утомлено и ослаблено потерями. В поход можно вывести не более шести полных тысяч – остальных нужно оставить в Хорнбурге и на Исене. А кроме этого, нельзя забывать и о восточной границе. За Андуином неспокойно... Но главное даже не это. О мой король, я немало времени провёл в одном отряде с теми же хазгами и знаю: раз изменивший слову перестает быть для них человеком. Если своему слову изменит правитель большой страны – в глазах хазгов весь его народ превращается из людей, пусть даже и врагов, в хищных зверей, которых нужно уничтожать безжалостно и беспощадно, и чем скорее, тем лучше. Сейчас *слово короля Рохана*, – с нажимом произнёс последние три слова Фолко, – ценится куда выше золота. Потому что он ни разу не отступал от него. И, быть может, своим словом ты вернее защитишь королевство, чем мечами и копьями? Это первое и главное. Я мог бы ещё много чего сказать о том, что план похода хоть и хорош – действительно, никто из врагов не будет ждать нас со стороны моря, а если возобновить договор с Морским народом, то шансов на успех прибавится, – но намеренно оставляю все эти рассуждения в стороне. Ибо, по мысли моей, королевское слово не может быть нарушено ни при каких обстоятельствах. Я сказал.

– Молодец! – опускаясь на место, услышал хоббит горячий шепот Торина. Сидевший ближе Малыш просто пожал Фолко руку – и так, чтобы все видели.

Эодрейд выслушал хоббита молча, лишь на скулах его играли желваки.

– Мысли мастера Холбутлы мне понятны, – ледяным тоном проронил властитель Рохана. – Что скажут остальные? Что скажешь ты, Храбрейший?

Грузный Эркенбранд с трудом выбрался из кресла.

– Что могу сказать я, старый и немощный? – Голос его всё ещё дрожал от обиды. – Мой король давно уже живёт плодами собственных мыслей, да ещё и даёт в Коронном Совете первое слово чужакам и наёмникам, пусть даже весьма искусным!

Внешне Фолко остался невозмутим, хотя внутри у него всё тоже сжалось от обиды. «Ах ты, старый, выживший из ума пень! И это после всех битв, в которых я сражался под роханскими стягами!»

Рядом с хоббитом яростно засопел Малыш, уже готовый броситься на обидчика.

– Храбрейший, обида помутила твой разум, – холодно бросил король. – Мастер Холбутла и впрямь получает содержание из моей казны, поелику не имеет никаких ленных владений в пределах Рохана, что, я вижу, было моим немалым упущением! Но ты запомнил, Храбрейший, благодаря кому мы взяли Эдорас столь малой кровью!.. Впрочем, мы сейчас говорим совсем о другом. Что скажешь ты о моём плане?

– Что я могу сказать... – Эркенбранд побагровел так, что Фолко испугался, как бы гордого старика не хватил удар прямо здесь, за пиршественным столом. – Наверное, план хорош... Но хотелось бы услышать: что, кроме собственного убеждения, положил король в основу своего решения? Разорвать договор с соседями, сколь бы худы они ни были, – такого у нас ещё не случалось!

– Верно. Не случилось. – Эодрейд отрывисто кивнул. – У меня и впрямь нету никаких твёрдых доказательств, что враг тогда-то и тогда-то начнёт вторжение. Напротив, ховары и хазги ослабли, их рати изрядно потрёпаны... Разумеется, им нужно будет время, чтобы оправиться. Но что они станут делать несколько лет спустя, когда подрастут молодые воины? На кого обратится остріё их удара?.. Не на нас ли?..

На краткое время наступила тишина.

– А почему повелитель так уверен, что оно не обратится на междоусобицу? – негромко заметил Торин, после того как Эодрейд кивнул головой, давая желающим знак говорить. – Почему бы и не сделать так, чтобы ховары вцепились в горло хазгам или же они вместе – хеггам? Или чтобы всё ополчение Минхириата и Энедвэйта не напало бы на владения Отона? Король-без-Королевства мастерски умел ссорить своих врагов и не давать им объединиться...

– Плести интриги... – поморщился Эодрейд.

– Однако это лучше, чем отказываться от собственного слова! – встрял Маленький Гном.

– Так, я слышал всех, кто служит Рохану, не принадлежа к нему по крови. А вы, мои остальные маршалы? – Эодрейд сел, упираясь локтями в стол и опустив подбородок на сцепленные пальцы рук.

Военачальники закричали и задвигались. Видно было, что никому из них не улыбается противоречить своему королю. Наконец решился Брего, один из командиров конных тысяч – ударной силы роханского войска.

– Э... э... О мой король... – Брего не умел произносить речи, это знали все. Злые языки поговаривали, что проще научить пса петь торжественные гимны, чем Третьего маршала Брего ораторскому искусству. Впрочем, косноязычие не мешало ему оставаться дельным командиром и храбрым воином. – Король мой, значит... Мыслью я... э... опасно это. Ну да. Опасно. Вот.

– Хватит, Брего, хватит! – Эодрейд досадливо поморщился, и все вновь удивлённо переглянулись: правитель Рохана никогда раньше не позволял себе прерывать Третьего маршала из-за тягучей и малопонятной речи. – Твоя мысль мне ясна. Опасно идти с шестью тысячами против троекратно сильнее врага, говорите вы? Но мастер Холбутла справедливо заметил, что, возобновив союз с Морским народом, мы увеличим наши шансы. При удаче к нам присоединится четыре тысячи мечей! С таким войском можно смело идти на Тарбад...

Фолко сжал губы: ему очень не нравился этот принятый разговором оборот. Эодрейд перевёл речь на чисто военные вопросы – хватит ли сил, куда направить главный удар, как

привлечь союзников, словно бы все уже согласились с тем, что договор, подписанный правителем Рохана, не более чем разрисованный детскими каракулями кусок тонковыделанной кожи.

– Но корабли Морского народа уже ушли, – возразил Фрека, Четвертый маршал. – Потребуется немало времени, чтобы они вновь смогли собрать свои силы...

– Да не пойдут они второй раз-то! – неожиданно раздался резкий голос Маленького Гнома. – Они ж пираты известные. Честных там по пальцам одной руки пересчитать можно. Ну Фарнак, конечно же, Лодин тоже... Говорят, Хельги ничего... А остальные... Тот же Скиллудр! Где для них добыча? Они у ховраров всё, что могли, уже взяли. А с хазгами они не дураки в драку лезть.

Мысленно Фолко выругал себя за то, что этот совершенно очевидный факт не пришёл ему в голову.

– Верно! – прогудел Торин. – Морскому люду платить нужно, и желательно вперёд. Тогда они сражаются, словно орки, когда их Моргот подгонял...

Эодрейд опустил взгляд, но отнюдь не от осознания собственной ошибки. Казалось, он смертельно устал от непроходимой тупости своих приближённых, не понимающих доступных и ребёнку вещей. Наступила тишина; и уютный покой внезапно показался хоббиту угрюмым и мрачным, точно пыточный застеноч. Казалось, в древних стенах вновь ожило отчаяние Теодена, когда он, запертый, словно медведь в логове, ждал, когда же орки Сарумана прорвутся наконец в его цитадель... Фолко чувствовал сгустившуюся древнюю злобу так же чётко, как когда-то, десять лет назад, чувствовал приближение Олмера. С самой гибели Серых Гаваней с ним не случалось подобного; навалилась непонятная выматывающая дурнота.

А Эодрейд тем временем заговорил вновь:

– Что ж, мнение ваше мне ясно, господа Совет. Признаюсь, я ждал другого ответа... Конечно, я могу отдать приказ, но мне хотелось бы всё же убедить вас. Старого мира больше нет, я думал, это знают все. Пришла пора иных войн. Войн, когда врага уничтожают полностью, от мала до велика, потому что иначе он уничтожит тебя. Минхириат, Энедвэйт, Эриадор – всё заполнено ныне пришельцами с Востока. Наши земли – островок, со всех сторон окружённый волнами варварского моря, моря чужаков. Хегги, хазги, ховрары, дунландцы... А за Андуином – какие-то никому не ведомые племена, пришедшие Манве ведаёт откуда! И против них – одни лишь мы. Гондор слаб и сам едва отбивается от харадримов вкупе с корсарам Умбара. Мы – последняя надежда Добра и Света. Мы должны начать ту великую войну, что покончит с отравными плодами Олмерова вторжения. Рохан имеет на это право. Мы заплатили за это самую высокую цену, какую только могли. Половина наших мужчин легла в той войне! Так неужто мы можем позволить себе ждать, когда враг соблаговолит сам напасть на нас?! Нет, нет и ещё раз нет! Мы верны заветам Валаров. Силы Мрака пали, сломав зубы о камни Серых Гаваней. Мы не раз побеждали наших врагов и знаем: у них больше нет никаких магических сил, как, впрочем, и дельных полководцев. Второго Олмера нет и не будет. Мы одолеем!

– Гм... – не слишком почтительно промышчал Торин – так, чтобы все слышали. – А если мы потерпим неудачу? Истерлинги пока ещё очень сильны... И я не уверен, что Дори Славный вновь выведет в поле морийский хирд. А выстоит ли Рохан – пусть даже в союзе с Морским народом, в возможностях которого я лично сомневаюсь, – если против него обернётся вся мощь Терлинга и Отона вкупе с Ангмаром? Вспомните, мы не смогли удержать Тарбад, хотя с нами были и Беорнинги, и часть эльдрингов – немалые силы! А чем дело кончилось? Земли на четыре дня пути от Исены... Смех, да и только!

Наступило неловкое молчание. Гном сказал чистую правду. Успех был совсем не тот, на который рассчитывали в Эдорасе, начиная войну...

Фолко сидел, пристально глядя в лицо короля. Он слишком хорошо знал Эодрейда. Он помнил ликующее войско и самого молодого короля: лицо его светилось от счастья, когда пали последние ховары – защитники Медьюселда, и Эодрейд под кровлей своих предков звенящим голосом провозгласил Восстановление Рохана. Хоббит помнил деятельного, умного правителя Роханской марки в дни штурмов Хорнбурга и битв за Исену. И он, мастер Холбутла, не мог ошибиться – с королём что-то произошло. Эодрейд никогда не упивался войной. Мир для Рохана был достаточно выгоден: ховары, получив хороший урок, едва ли рискнули бы напасть на марку в ближайшем будущем... Что-то тут было не так, вмешались ещё какие-то силы, что подталкивали роханского правителя к явно самоубийственному шагу. Какие силы? Что могло до такой степени помутить рассудок опытного, бывалого полководца, за чьими плечами осталась не одна война? Почему он принял решение, абсурдность которого видна даже выживающему из ума Эркенбранду? Нарушить королевское слово – более страшным преступлением у пришельцев с Востока считалось только отцеубийство. И где-то глубоко внутри хоббита, взламывая застарелую корку льда, вдруг шевельнулось нечто, казалось бы, прочно забытое, воскрешающее незабываемые дни погони за Олмером. Нечто вроде долгожданной боли, когда с хрустом выдирается гнилой, долго мучивший зуб...

Стены покоя дрогнули и поплыли перед глазами хоббита. В грудь слабо толкнулось нечто тёплое, и Фолко едва не свалился со стула – оживал кинжал Отрины! Десять лет, десять долгих лет он верой и правдой служил хоббиту, однако начисто утратив все волшебные свойства, превратившись в самый обыкновенный клинок, пусть даже и очень хороший. Не веря себе, Фолко коснулся ножен пальцами – так и есть, от старой, потёртой кожи исходило осязаемое тепло. Дремавшие в лезвии с голубыми цветами силы вновь пробудились к жизни.

На какое-то время Фолко полностью выпал из мира, прислушиваясь к своим ощущениям. Нет... ничего... ничего особенного... а вот если взглянуть сюда?!

На правой руке Фолко по-прежнему носил подарок принца Форве – золотой перстень с голубым самоцветом. Алый мотылёк, что в былые годы мерно взмахивал крылышками в такт биению сердца хоббита, давно исчез из глубин камня; все привыкли к перстню, считая его обычным украшением, странной прихотью храброго воина, коему не к лицу напяливать на себя женские побрякушки. Десять лет перстень был мёртв, а теперь, после случившегося с кинжалом, Фолко даже не слишком удивился, вновь увидев в глубине кристалла мерные взмахи огненно-алых крыльев. Мотылёк вновь ожил.

Наверное, в былые годы он, Фолко Брендибэк, вскочил бы с места и, сверкая глазами, начал требовать, чтобы все прислушались к этим грозным знамениям, предвещающим... Эру ведаёт что-то очень грозное. Времена криков давно миновали. Теперь хоббит лишь аккуратно повернул перстень камнем внутрь, чтобы никто не заметил случившейся перемены. Усилием воли Фолко вновь заставил себя прислушаться к тому, что творилось вокруг. А творилось нечто весьма неприятное. Эодрейд впервые, наверное, за все годы своего правления дал волю гневу.

Нет, он не кричал, не топал ногами, не приказывал казнить всех возражавших ему – он просто отдавал приказы ледяным, мертвенным голосом, и от этого всем делалось ещё страшнее. Испытанные воины чувствовали, что волосы у них становятся дыбом, а по спинам струится холодный пот. Казалось, вместо их короля, которому все они были неложно преданы, появился совершенно другой человек, куда более жёсткий и жестокий. И приказы, отдаваемые им, были один мрачнее другого.

– Позаботиться, чтобы в достаточном количестве был взят яд – тот самый, что мы получили от гномов и который они используют против каменных крыс. По пути будем отравлять колодцы – все до единого! Взять запасы масла – выжигать на корню поля и пастбища. Деревни и города будем сжигать со всеми обитателями. Никого не щадить! Отродье Тьмы не

заслуживает снисхождения. Дети не исключение. Я не хочу, чтобы из них выросли мстители. Этим мы навек уберём Рохан от вторжений с Запада.

– Ну так, значит, с Арнором-то чего, повелитель? – послышался голос Брего. – Силён Терлинг ведь, проклятый, силён, чтоб его разорвало! Под Тарбадом-то на собственных шкурах почуяли!

– Да, Терлинг силён, – не задумываясь, ответил Эодрейд. В глазах его плясали рыжие отсветы факелов, и казалось, он уже видит исполинские пожары, что пожирают вражеские города и селения. – Но ему придётся идти через выжженную землю. Его войско после Гватхло не найдёт ни воды, ни пропитания. А мы встретим их на заранее подготовленных рубежах, измотаем ударами из засад... Они не дойдут до Исены!

Малыш громко фыркнул. Маленький Гном не стеснялся в выражениях ни перед кем, включая и самого короля.

– Дойдут, дойдут, ещё как дойдут! – брякнул он, не задумываясь. – Воду – из Гватхло с собой в бурдюках. А могут и того проще – по Исене на кораблях подняться... Золота-то, чтобы Морской народ перекупить, у них хватит!

Эодрейд дёрнул щекой.

– Совет закрыт, – проскрежетал он, еле сдерживая бешенство. – Надеюсь, что все маршалы марки исполнят свой долг. Войско не распускать! А послов к Морскому народу я отправлю немедленно. На Исене сейчас стоит дружина тана Фарнака, не так ли? Вот вместе с ним посланники и отправятся. А теперь разрешаю всем идти.

Маршалы поднимались один за другим, неловко кланяясь королю.

Толстая дубовая дверь закрылась. От королевских покоев в верхних ярусах башни вёл только один коридор – волей-неволей все роханские командиры шли вместе. Царило тяжёлое молчание.

– Э! Нельзя нам, того, ну понимаете, задуманное ему дать сделать! – внезапно и с силой произнёс Брего.

Все остановились разом, как по команде. Похоже, остальные знатные роханцы думали точно так же, потому что у Фреки вырвалось:

– Верно, да вот только как?

– Как, как... – прохрипел всё ещё багровый Эркиенбранд. – Что об этом говорить... Здесь же наёмники!

Фолко резко повернулся, словно его обожгли кнутом.

– Уж не задумал ли Храбрейший заговор против своего законного короля? – сквозь зубы произнёс хоббит, кладя руку на эфес. Рядом с ним молча встали гномы; их топоры уже были готовы к бою.

– Э, вы что... эта! – всполошился Брего, мигом оказываясь между старым воином и Фолко. – Храбрейший, я, ну прошу тебя...

– Если здесь зреет измена... – ледяным голосом отчеканил Торин.

– Какая измена! – в отчаянии завопил Фрека. – Приказы-то короля – они ж погубят Рохан! Вы же первые были против них!

– Но это не значит, что мы изменим своему слову, – парировал Малыш.

– Но и мы не собираемся! – горячо воскликнул Хама, самый молодой из роханских маршалов. – Мы просто хотим уберечь короля от гибели! Разве не в этом истинный долг тех, кто любит свою страну и своего правителя?

Фолко, Торин и Малыш переглянулись, принявшись невозмутимо и молча раскланиваться с остальными маршалами.

– Эй, куда вы... эта... того? – всполошился Брего. – Поговорить надо, маршалы! С нами идёте, да, нет?

– Разве можем мы, наёмники, как поименовал нас почтеннейший Эркенбранд, обсуждать приказы нашего нанимателя? – намеренно ледяным тоном отозвался Торин. – Повелитель Эодрейд отдал приказ. Нам осталось только выполнить его.

Брего побагровел:

– Ну, вы, того, значит, сердца не держите. Я, эта, прощения прошу, слышите? Я, как бы... э... от всех нас, верно? – Вспотев от усердия (редко когда приходилось произносить вежливые речи), Брего окинул взглядом остальных роханских маршалов. – Вы, того, на Храбрейшего не сердчайте. Он же... ну, значит, стар, что ли...

– погоди, Торин. – Фолко тронул локоть друга. – Нам и впрямь не помешает послушать. Быть может, все вместе мы придём к какому-то решению.

Видно было, что гномы смертельно обижены. Сам Фолко тоже не спустил бы никому подобных слов, не будь Эркенбранд уже и стар, и немощен. Он чудом спасся на Исене и, говорят, после этого сильно изменился – притом не в лучшую сторону.

– Верно, верно! – подхватил Фрека. – Храбрейший...

– Храбрейший ошибался и говорил в запале, – медленно произнёс Сеорл, доселе молчавший Пятый маршал. – Не нужно из-за неразумных слов одного ссориться со всеми, почтенные гномы. Мастер Холбутла совершенно прав. Нам надо обсудить всё спокойно и не давая волю страстям.

Не сразу, но совместными усилиями гномов всё же удалось уломать. Эркенбранд, разобидевшись, заявил, что с «наёмниками» он за один стол не сядет, и удалился, безуспешно пытаясь придать себе гордый и величественный вид – у него тряслась голова...

Фолко с жалостью посмотрел ему вслед. Нет, он был не прав, обижаясь на впавшего в детство старика. Пусть говорит что хочет! Сам король держит его в Совете, только чтобы оказать почёт последнему из оставшихся в живых сподвижников своего отца...

Восемь роханских командиров спустились в большой пиршественный зал. Там сейчас было темно и тихо – праздник отшумел вне стен замка.

– Здесь мы... эта... того, поговорить сможем. – Брего опустился на лавку.

– Надо добиться отмены приказа... – начал было Сеорл, однако Фрека досадливо оборвал его:

– Это же и ребёнку понятно!.. Чего нужно добиться – здесь знает каждый, а вот кто сможет сказать, КАК это сделать?

– Король Эодрейд не из тех, кто легко отказывается от своих слов, – вступил в разговор Теомунд, Седьмой маршал. – Впрочем, раньше...

– Раньше он не принимал таких нелепых решений! – проворчал Сеорл. – Какая кобыла его лягнула? Ещё вчера у него не было и следа подобных мыслей!

– Да что тут гадать-то... не важно уже, откуда они у него, значит, мысли эти, так? – Брего, старший по званию среди собравшихся, все круче брал дело в свои руки. – Рохан спасать надо! Так, нет? Значит, эта, войско-то из похода... э... ну, не вернётся, ясно ведь, так, нет? Не вернётся, это мы все понимаем. Так как короля-то переупрямить-то?

– Быть может, когда его гнев остынет... – предположил Эотайн. – Можно будет поговорить с ним снова...

– А откажет если вновь? – гнул своё Третий маршал.

– Тогда вновь соберёмся и посоветуемся. – Эотайн уклонился от прямого ответа.

– Ну... эта... что скажут Холбутла-мастер и почтенные гномы? – Брего повернулся к Фолко и его друзьям.

Торин пожал могучими плечами:

– На войне приказы королей не обсуждаются. Мы можем сколько угодно спорить с правителем в Совете, но, если он всё же поступит по-своему, надлежит исполнить приказ.

– Даже если он... ну, того... страну, понимаешь-скать, погубит, а народ, ну, уцелевший там, значит, в рабство ввергнет? – в упор спросил Брего. Могучего сложения, шириной плеч он почти не уступал гному. Светло-карие глаза Третьего маршала потемнели. Фолко вспомнил, что Брего приходится дальним родственником Эодрейду, и, если не принимать в расчёт сына и дочь короля Рохана, Третий маршал оказывался, пожалуй, одним из первых наследников короны Эдораса...

– А... это... что сделать должны... ну... преданные воины... то есть народу своему преданные... если правитель, значит, ведёт всех к неминуемой гибели? – не унимался Брего, распаяясь всё больше и больше.

Фолко скрестил руки на груди и прищурился. Похоже, дело идёт к перевороту. Хорошему полководцу и смелому бойцу, Брего не будет так уж трудно склонить на свою сторону остальных маршалов. И если войско останется в стороне... то тот же Брего может открыто бросить вызов Эодрейду, обвинив того в чём угодно, вплоть до посягательств на честь его, Брего, супруги. А в поединке у Третьего маршала шансов куда больше... А быть может, он и не унижится до лжи – роханцам она вообще не свойственна, – прямо заявив, что король безумен и более не может править. И в том и в другом случае исход один – поле, суд мечами. Неужели Третий маршал всерьёз задумал стать Первым?

Фолко обменялся быстрыми взглядами с Торинем и Малышом. Маленький Гном сохранял дурашливо-сонливый вид, но хоббит понял, что это лишь притворство. Рука Строри лежала на рукоятке топора: он был готов к бою.

– Сделать так, чтобы рискованный приказ правителя привёл бы войско к победе, а не к поражению, – пожал плечами Торин. – Во всяком случае, так принято у нас, гномов.

Брего хлопнул себя по коленям от досады:

– Апп! Ну... Э... Представь – король, он, значит, приказывает войску – э... всему... значит, со скалы броситься. Как его ты тогда к победе приведёшь?!

– Тут можно спорить, – спокойно возразил Торин. – Ты разве не помнишь, почтенный Брего, я правителю возражал. И мыслю, что сейчас войну начинать бесчестно. Хотя – коли повезёт – и не такое осилить можно. Королевское слово... Ладно, оставим. Сейчас что ховраров, что хазгов разбить можно. Другое дело, потом нам со всей Степью схватиться придётся, да ещё и с Арнором в придачу!.. Но первое, что задумали, повторю, очень даже по плечу. Может статься, кабы не договор, я сам бы предложил такое. Внезапность – мать победы, как говаривали у нас в Халдор-Кайсе...

– Так ты что же, согласишься с этим безумием? – высоким голосом выкрикнул Брего, от волнения обретший вдруг небывалое красноречие.

Торин в ответ лишь покачал головой:

– Не хочу я с тобой ссориться, Третий маршал. И сколь смогу, короля от этих его намерений отговаривать буду. И не потому, что нам по шапке дадут, а потому, что королевское слово – оно любых побед дороже. Там, где можно решить дело миром, зачем воевать? А слово Эодрейда сейчас для Рохана ценнее пеших дружин да конных сотен. Но вот ежели слову короля перестанут верить... – Гном тяжело вздохнул.

Наступило молчание. Всё! Дальше говорить – что круг без точила вертеть. Фолко понимал, что Брего сейчас колеблется: объявить ли о своих намерениях в открытую или всё же повременить.

Нужно было вмешаться. В полку Фолко состояли не только коренные роханцы, немало и воинов других народов – арнорцев, гондорцев, беорнингов, прибилося даже несколько бардингов из Приозёрного королевства. Со многими из них хоббит сдружился ещё в дни Весеннего похода... Как и Фолко, они получали жалованье из королевской казны, и поднять их для защиты Эодрейда ничего не стоило. Полк пеших лучников крепче, чем в ежедневный

восход солнца, верил в слово своего маленького командира, «чей рост никак не соответствовал доблести».

Так что в случае чего Фолко смело мог полагаться на, самое меньшее, сотню хорошо обученных стрелков – родом не из Рохана. Примерно две сотни таких же воинов из числа панцирников пошли бы за Торинном и Малышом...

«Да ты, верно, совсем избезумился, брат хоббит!» – сам себе вдруг поразился Фолко. И было от чего – он, оказывается, способен уже хладнокровно прикидывать, на кого он сможет опереться в случае внутренней замятни у роханцев и на чью сторону сам встанет при этом!

И тут Фолко стало по-настоящему страшно. Он вдруг осознал, что уже был готов, под каким-либо предлогом выбравшись отсюда, отдать приказ своей избранной сотне занять оборону вокруг королевских покоев и убивать всякого, кто посягнёт на Эдрейда. Хоббит словно наяву увидел Брего, размахивающего широким мечом, и неровный строй воинов, что шли за ним на приступ... Фолко помотал головой, усилием воли отгоняя страшное видение. Это означало бы конец, конец Рохану и последней надежде... На что? На возрождение Арнора?..

«Далеко же ты зашёл, брат хоббит, – в смятении подумал Фолко. – Нет, нет, нельзя так. Нельзя нам, хоббитам, так долго по чужим краям... да под чужими знамёнами...»

Кинжал Отрины настойчиво стучался в грудь, и странным образом это помогло овладеть собой.

– Долг наш, – с некоторым усилием, чуть хриповато заговорил хоббит, – долг всех, кто служит Рохану, не важно, рождён ли он в окрестностях Эдораса или в тысяче лиг от него, сохранить покой и не допустить губельного настроения, когда брат встаёт на брата. Ещё есть возможность уговорить короля. Я попробую это сделать. Думаю, мои друзья Торин, сын Дарта, и Строри, сын Балина, помогут мне в этом. Смуту же должно подавить в зародыше, пока гадина не отрастила ядовитых зубов. Я сказал.

Речь хоббита выслушали в молчании. Понятно, что хотел сказать мастер Холбутла, – ни он, ни его полк не выступят против законного правителя.

Брего закусил губу. Для заговорщика он слишком плохо умел скрывать свои чувства. Остальные маршалы облегчённо зашумели.

– Что ж, мастер Холбутла в большой чести у нашего правителя, – обронил Фрека. – Быть может, один на один ему удастся больше, чем нам...

Брего пришлось согласиться. Заговор не состоялся.

А под стенами хорнбургской цитадели тем временем продолжался праздник, и пиво лилось рекой. Народ танцевал, точнее, танцевали вернувшиеся и дождавшиеся. Невернувшиеся лежали во вновь отвоёванной земле, недождавшиеся рыдали в одиночестве...

– Надо предупредить наших! – выпалил Фолко, как только Малыш захлопнул дверь.

Наших, то есть таких же, как и они сами, наёмников. Фолко сильно сомневался – и справедливо! – что стрелки-роханцы послушаются его приказа, если он велит им взять на прицел Третьего маршала марки и тех, кто пойдёт за ним.

О случившемся с кинжалом Отрины и перстнем Форве хоббит пока говорить не стал. Успеется! Сейчас главное – расставить своих бойцов по местам, чтобы нашлось чем охладить пыл Третьего маршала... Три сотни воинов – не так много, но и немало, если распорядиться ими с умом... А кинжал и перстень никуда не денутся.

Отвечая салютующим часовым (невольно хоббит отметил про себя, что вся охрана – из отряда Брего), трое друзей спустились во двор. Здесь с треском горели костры, бесчисленное множество факелов помогало разогнать тьму; за длинными столами продолжалось пиршество, а рядом кружились танцующие. Музыканты, казалось, не знали устали.

– Расходимся, – негромко предложил Торин. – Как только оповестим – сразу назад. Я теперь верю Брего не больше, чем в своё время Гэндальф Саруману!

Фолко кивнул и двинулся к столам, отыскивая взглядом своих десятников. Наёмников, воинов удачи, он свёл в особую сотню, которой сам же и командовал. Кое-кто из маршалов косился, и, как оказалось, не зря.

– Бранд!.. Тириод!.. Хельсе!.. – Фолко окликал воинов одного за другим. Его десятники дело своё знали. Им хватало одного взгляда командира, чтобы разом забыть о хмеле. Все они начинали ещё с Весеннего похода; Фолко знал эту троицу почти десять лет.

Сохраняя спокойный и беспечный вид, Бранд, Тириод и Хельсе собрались вокруг хоббита. Они понимали – случилось нечто из ряда вон, раз командир вырвал их из-за праздничных столов.

– Быстро соберите всех, кого сможете. Лучше всю сотню. Пусть вооружатся и будут наготове. Если я протрублю в рог – вы знаете как, – врывайтесь в башню. Перекройте вход. Проследите, чтобы было вдоволь стрел. – И, понизив голос до еле слышного шёпота, Фолко закончил: – Роханцам пока ни слова!

Если кто-то из десятских и удивился, то виду не подал. Коротко кивнув, воины исчезли в толпе.

И тут хоббита кто-то осторожно тронул за плечо.

– Мастер Холбутла! – раздался звонкий девичий голосок.

Фолко резко обернулся. От волнения немилосердно теребя густую золотистую косу, перед ним стояла тонкая, точно былинка, совсем ещё юная девушка. Хоббит узнал её – та самая, что кричала, приветствуя его, когда полк торжественным маршем входил в крепость.

– Я – Эовин. – Она отважно боролась со смущением. – Я... Я искала вас весь вечер... Я бы очень хотела... если можно... – она покраснела, – потанцевать с вами...

Фолко вытаращил глаза. Подобное он слышал впервые – от девушки нехоббичьего рода. Растерявшись, он только и успел промямлить что-то насчёт своего неподобающего одеяния, однако этот довод на Эовин не подействовал. Справившись со смущением, она потянула хоббита за край плаща:

– Ну давайте! Что вам стоит? Или... – она вновь залилась румянцем, – вы... думаете, что я дурнушка?!

Дурнушкой она отнюдь не была, в чём Фолко по мере своих сил и попытался её убедить. Правда, опыта в произнесении комплиментов он имел непростительно мало – куда меньше, чем в стрельбе из лука или фехтовании.

Эовин вовлекла его в круг. Руки девушки легли Фолко на плечи; хоббит осторожно, словно огнедышащего дракона, коснулся немислимо тонкой талии. Несложные фигуры танца хоббит помнил ещё с давних времён, когда – после взятия Эдораса – впервые попал на роханский праздник и сама королева Морвен помогала ему, пройдя с ним первые пять кругов. Тогда это никому не показалось зазорным...

– Мастер Холбутла... уж простите меня, но... вас спросить можно? Вы где живёте? – одним духом выпалила девушка.

– Где живу? – улыбнулся хоббит. – Сейчас мой дом там, где войско Рохана. А если мы вернёмся в Эдорас... Король Эодрейд укажет мне, где преклонить голову. Но зачем это тебе, Эовин?

– А может, я захотела бы разыскать вас... чтоб в гости к нам пригласить! Я пироги печь умею... все говорят – лучше сестры!

– Ну, тогда приду обязательно! – рассмеялся Фолко, сам думая о том, как бы поделкатнее выбраться из круга танцующих. – Прости, мне надо идти, я и так пожертвовал ради танца с тобой, Эовин, спешным королевским приказом...

– И всё равно я позову вас в гости, мастер Холбутла! – уже за спиной хоббита прозвучал голос девушки. Фолко на прощание махнул рукой и поспешил ко входу в башню.

– Опаздываешь, – шёпотом укорил друга Малыш. Гномы нетерпеливо топтались на месте. – Давай скорее, а то у меня на сердце как-то муторно. Как бы Брего чего не удумал...

Третий маршал тоже куда-то скрылся. Фолко, Торин и Малыш расположились возле развилки коридоров, перекрывая путь наверх, к королевским покоям. Выше стражу несли воины из личного эорета правителя, и им можно было доверять. Вся же остальная охрана поставлена Третьим маршалом... они могут и растеряться.

И вновь Фолко поймал себя на мысли, что думает о Брего, с которым не раз рубились плечом к плечу, как о бунтовщике и заговорщике, и уже почти не сомневается, что воины из полка Третьего маршала наверняка пойдут за ним, а не за своим законным королем...

«Ну точно я не в себе! Так ведь собственной тени начнёшь бояться – что это, мол, она у меня всё время за спиной прячется?» – Фолко было попытался подшутить сам над собой и тотчас осёкся, осознав натужность и нелепость шутки. Пальцы его невольно коснулись тёплой рукояти кинжала и потащили оружие из ножен.

– Вот ведь ещё дело-то какое, друзья... – Фолко рассказал гномам про оживший клинок и вновь пробудившийся перстень.

– Здорово! – простодушно восхитился Малыш, глядя на алого мотылька в глубине камня. – А я уж, того, думал, и вправду навсегда погас...

– Знать бы ещё, что это значит. – Торин снял шлем, вытирая мокрый лоб. – Что их разбудило, Дьюрин меня вразуми?

– Мы, наверное, все подумали... или вспомнили... об одном и том же, – вполголоса произнёс Фолко. – Все эти вещи были живы, пока в нашем мире действовали нечеловеческие Силы. Да и Олмер...

– И то верно! – Торин хлопнул себя по лбу. – Так ты думаешь, где-то снова...

– Именно так и думаю, – жёстко ответил Фолко. – Прошлый раз уж больно долго сомневались. Гадали, гадали... и сели в лужу. Вон, по сию пору не обсохли! Нет, Торин, я лучше на воду дуть стану! Вот, мол, знак подан – некая злая Сила вновь в Средиземье ожила... А магические предметы её тотчас же почувствовали.

– Злая Сила... Ну хорошо, и что нам теперь с этим делать? – развёл руками Малыш. – Слушай, Фолко, а может, отложим пока этот разговор? Тут Брего вот-вот на приступ полезет... А Сила эта твоя – где она, как выглядит? И разве Форве говорил тебе, что перстень его подобное чувствовать может?

– Нет, не говорил, – признался Фолко. – Только он об этой вещи и сам многого не знал. Не знал, например, что перстень – и палантиры – Олмеру ослепить удастся...

– И всего-то? А ты уж сразу и решил – мол, именно злая Сила появилась? – Малыш скептически хмыкнул. – Разве твой кинжал...

– Чувствовал он Силу когда-то, рядом с ней находясь, – кивнул Фолко. – Хоть тот же синий цветок вспомни!

– Так, значит, эта Сила где-то рядом? – не унимался Строри. – Совсем близко? Здесь, в Хорнбурге?

– Может, и в Хорнбурге... – задумчиво пробормотал Торин. – Очень может быть. Знаете, друзья, что мне тут в голову пришло? Уж не Силы ли этой стараниями так изменился Эодрейд?

– В точку! – Фолко взмахнул рукой. – Не иначе!

– Эодрейд околдован? – удивился Малыш. – Вы что, белены объелись?

– И не только Эодрейд, – медленно добавил Фолко. – Но и Брего тоже. Думаю я, кто-то решил сравить двух самых сильных роханских воинов... понятно для чего.

– Вот, а мы-то гадали... – протянул Торин. – Но если так – значит, убеждения бесполезны?

– Если Эодрейд зачарован – то да, – отчеканил Фолко.

– Вот те раз! Так что же нам делать, расплющи меня Хругнир? – взволновался Малыш. – Где теперь мага искать? Радагаст-то – тью-тью... – Он безнадежно присвистнул.

– Посмотрим, может, кинжал и перстень сами что подскажут? – предположил Фолко. – Помнится мне, говаривал Форве, будто его кольцо укажет дорогу на Воды Пробуждения из любого места в Средиземье... Может, и ещё на что сгодится?

– Что-то мы прошлый раз без всякого перстня обошлись, – фыркнул Малыш.

– Так это потому, что с нами Авари шли, – пояснил Фолко. – Я в перстень и не заглядывал. А потом... когда уже у Форве гостили... я, признаться, о нём и забыл – столько там навидался разных диковинок!

– Насчёт диковинок – это да... – покряхтел Торин. – Эх, славное было времечко! Эльфов-то войной не затронуло... Ладно, что там говорить! Сами не захотели там оставаться – так что давайте лучше о делах здешних потолкуем. Что делать с Эодрейдом? И вообще с этой нашей догадкой?

– А что же тут сделаешь? – Малыш глубокомысленно пожал плечами. – Одни догадки – и те не сладки! Можно их солить, можно коптить – всё равно пока ничего не знаем.

– Ты и десять лет назад так говорил, – невольно улыбнулся Фолко.

– Говорил-говорил, – буркнул Маленький Гном. – Что тогда было – лучше и не вспоминать.

– А придётся, – заметил Торин. – Потому как если Фолко прав... а для нас лучше будет считать, что он прав, то, боюсь, на поверхность вновь вылезло какое-нибудь наследство Саурона!

– Ой, да хватит пугать! – поморщился Малыш. – Как Серых Гаваней не стало, так я теперь уже ничего не боюсь. Да и то сказать – мы что ж, снова в Мордор потащимся? Так ведь были уже там! И что нашли? Грош в кармане, вошь на аркане! Хазг на печи, а в печи – калачи? Что искать-то? Кольцо-то наш мастер Холбутла самолично и при нас в Ородруин бросил. Или опять какой-нибудь осколок взрывом выбросило, будь он неладен?

Фолко покачал головой:

– Ты, Малыш, конечно, всё правильно сказал, но... погоди, я ещё попробую поговорить с Эодрейдом. Может, клинок и перстень как-то себя покажут... Глядишь, чего и узнаем.

– А ну как нет? – не сдавался Стори. – Что тогда делать – мотаться по Средиземью? Или как? Да и вообще – забыли, что мы поклялись сделать? Что мы говорили там, на Ородруине? Раз не убили Олмера – убьём плоды его войны! Так что уходить из Рохана...

– Нет, нам отсюда уходить пока рано, – покачал головой Фолко. – Эодрейд... надо понять, что с ним. Да и с Брего глаз спускать тоже нельзя! Дождёмся утра, я опять к королю пойду, как маршалам обещал...

– Спать всё равно нельзя, – подытожил Торин. – Будем караулить! Если тут в ходу колдовство, то верить никому нельзя...

– Даже мне? – прищурился Малыш. – Ум у тебя зашёл за разум, как я погляжу, сын Дарта. Ладно, валяйте сторожите, но только, чур, я первый. Ненавижу, когда меня среди ночи будят!

– Уговорил, уговорил! – расхохотался Торин. – Сторожить будешь первым.

На том и порешили.

Глава II

ИЮНЬ, 4, ХОРНБУРГ, РОХАНСКАЯ МАРКА

Тому уже десять лет, как Фолко умел засыпать моментально и при любых обстоятельствах. Кто знает, когда удастся снова преклонить голову! И потому в ту ночь хоббит спал столь же безмятежно, как под крышей родного дома. Что-то подсказывало ему – сегодня ничего не случится... ничего не случится... ничего не случится...

Задолго до рассвета Торин растолкал хоббита:

– Вставай! Твоя стража.

Фолко кивнул, мгновенно переходя от сна к яви, – умение, подаренное войной. Стража – дело святое. Хоббит накинул плащ, скрывая кольчугу и меч; свой наблюдательный пост он с гномами устроил на площадке лестницы возле высокого и узкого окна, откуда хорошо просматривалась почти вся Хелмская долина, сейчас сплошь залитая лунным светом. Внизу горели многочисленные костры расположившегося на отдых войска – казарм в Хорнбурге не хватало. В лагере всё оставалось спокойно, и хоббит уже почти уверил себя, что до самого утра ничего не может случиться, как краем глаза заметил молча скользящие между костров тёмные силуэты воинов. Впереди всех виднелась мощная фигура Третьего маршала!

– Клянусь великим Орлангуром! – невольно прошептал Фолко. Ему пришлось признаться себе – подобного он не ожидал. Значит, Брего всё-таки решился... Хоббит поднёс к губам небольшой рог, готовясь подать сигнал своим воинам, и распахнул для верности окно.

Однако... это не годится. Никогда ещё Рохан не знал междоусобных смут, когда брат шёл на брата. Бедствие, случившееся в Гондоре, многим пошло на пользу. Так неужели повинующиеся ему, Фолко, воины станут первыми, кто начнёт замятню в Роханской марке? Разумеется, хоббиту ничего не стоило навскидку всадить стрелу между шлемом и кольчугой Третьего маршала, но... А что, если?..

– Эгей, почтенный Брего, что это ты гуляешь так поздно? – во весь голос крикнул Фолко, чуть ли не по пояс высунувшись из бойницы. – Тревоги-то вроде не было!

Брего замер, точно ноги его внезапно пустили корни. Не таясь, хоббит смотрел на растерявшегося маршала.

– И зачем это с тобой столько воинов? – не унимался Фолко. – Надеюсь, ты не стал будить моих? Они этого куда как не любят.

Косноязычный Третий маршал явно растерялся. И в обычной-то жизни с трудом слагавший фразы более чем из трёх слов, сейчас он и подавно не мог с ходу придумать сколько-нибудь подходящий ответ. Ему оставалось только огрызнуться.

– А, ну... эта, а я чего, ответ тебе давать должен? – рявкнул он, тщетно пытаясь скрыть растерянность. – Посты я проверял, ну, понятно, нет, значит?

– И поэтому тебя сопровождает добрая сотня мечников? – съехидничал Фолко.

Брего оказался в затруднении. Хоббит легко мог догадаться, о чём сейчас думает роханский богатырь: этот коротышка начеку... значит, и его приятели гномы тоже... прорываться силой – значит объявить войну Эодрейду... Войско не пойдёт против короля...

– А дак ведь они того... перебрали, значит, я проветриваться их и заставляю! – ответил наконец Третий маршал и, поворачиваясь к своим людям, скомандовал так, чтобы Фолко слышал тоже: – А ну, гуляки, давайте по местам!

Фолко досмотрел спектакль до конца – воины Брего и в самом деле разошлись кто куда. Интересно, что им сказал Третий маршал? Они знали, на что идут?

Остаток ночи минул спокойно. Брего так и не появился.

В свой черёд наступило утро, снежные вершины Белых гор окрасились алым. В лагере сыграли побудку.

Наскоро позавтракав, хоббит и гномы стали держать совет.

– Надо рассказать королю, – настаивал Торин. – Брего явно хотел устроить мятеж!

– Если он и задумал мятеж, то крайне бездарно, – возразил хоббит. – Сейчас у нас нет никаких доказательств для того, чтобы открыто обвинить его в измене – обвинить не простого воина, а Третьего маршала марки!

– Так что же, ждать, пока он нас и впрямь в осаду возьмёт? – взвился Торин. – Боюсь, как бы мы опять не опоздали!

– Нет! – стоял на своём Фолко. – Брего не Олмер. Лучше будем охранять короля. Сделаем так, чтобы наши три сотни были бы всегда наготове. А с Брего я теперь глаз не спущу, обещаю вам. И как только он...

Бурные споры оказались прерваны явившимся королевским посыльным. Эодрейд звал всех немедленно к себе.

Постель Эодрейда была несмята. Глаза у короля глубоко запали, под ними залегла синева – сказала бессонная ночь.

– Мастер Холбутла, о чём это вы так громко спорили с Третьим маршалом этой ночью? – без предисловий начал король. – Что он делал возле башни с сотней вооружённых воинов?

– А... Э... мой повелитель... – замялся Фолко. – По-моему, достопочтенному Брего просто не спалось... И он искал себе дела, ходил по лагерю...

– То есть ты утверждаешь, что он не собирался поднять мятеж? – Эодрейд не сводил с хоббита пристального взгляда.

– Если б собирался, то, наверное, сегодня мы бы славно позвенели мечами, – пожал плечами Фолко. – Однако... – Он развёл руками.

– Ну что ж, – задумчиво проговорил Эодрейд. – Похвально, что вы не обвиняете человека на основании одних лишь подозрений... И всё же у меня веры Брего больше нет. Я всё видел и слышал. Он шёл ко входу в башню... и так совпало, что нижние этажи охраняли воины его тысячи... Но ты, мастер Холбутла, заставил его повернуть назад. Так что для меня всё ясно. Другое дело, что Суд маршалов никогда не вынесет обвинительного приговора, так что пусть Брего живёт. Но командовать отныне он будет только собственной женой.

– Гмм! Но, повелитель, зачем вы рассказываете всё это нам? – бесцеремонно встрял Малыш.

– Потому что я хотел расформировать полк Брего, отправив большую часть его воинов под ваше начало, тем более что Тарбадская битва показала – мы нуждаемся больше в пеших стрелках и латниках, нежели в конных воинах.

– Но это может вызвать толки... – попытался возразить хоббит.

– Толки? Ерунда! Мои воины охотно служат под вашей командой. Полки мастера Холбутлы, мастера Торина и мастера Строри геройски дрались под Тарбадом. Все знают, что войско было спасено лишь благодаря их доблести. Служить в этих полках – немалая честь. Никто уже не считает, что оказаться в пеших стрелках – это всё равно что перестать быть мужчиной и воином.

– Не только у нас служат воины из других краёв! – вновь возразил хоббит. – И нас презрительно называют наёмниками...

– Кто? Выживший из ума Эркенбранд? Забудьте!

– Люди не любят быть обязанными кому бы то ни было, – покачал головой Фолко. – И тем более если те, кому они обязаны, – не их рода, а какие-то чужаки, пришельцы... оказавшиеся в войске лишь милостью короля... одним словом, наёмники!

Эодрейд поднял брови:

– Не люблю это слово... Никакой ты не наёмник, мастер Холбутла, сам ведь знаешь. Не называй себя так при мне! А об Эркенбранде, повторяю, забудь. И хватит об этом. У меня было для вас поручение, очень важное, – возобновить договор с Морским народом. Дружина Фарнака, как уже говорилось, стоит на Исене – что-то делают со своей добычей. Я бы хотел, чтобы вы отправились с ними на юг, в Умбар. Вы получите самые широкие полномочия. – Король кивнул на свёрнутые трубкой грамоты. – Можете обещать эльдрингам всё, что угодно, но особенно упирайте на то, что они получают земли в Минхириате. Я знаю, многие из Морского народа недовольны тем, что до сих пор сидят в Умбаре. С Харада много не возьмёшь – те по морю ничего не возят, кроме покойников. Фарнак давно уже зарится на устье Исены, хочет устроить там свою стоянку. Я этого не хотел – потеряв устье Исены, мы лишимся свободы торговли, – но ради успеха готов пойти даже на такую уступку. Терлинг и Отон поступили неразумно, поссорившись с Морским народом; они думали, что раз те вступили в союз с Олмером, то, значит, будут и с ними заодно. Наивные! – Эодрейд присвистнул с лёгким презрением. – Морской народ заключает союзы, только когда это выгодно. Потом Отон наложил руку на устье Гватхло... и после этого только глупый или ленивый на моём месте не заключил бы ряд с эльдрингами!

Друзья переглянулись. Гномы выжидательно смотрели на Фолко – обычно он вёл подобные разговоры, но на сей раз хоббит чуть заметно покачал головой: давайте сами, у меня есть дело...

Дело у него действительно было. Король Эодрейд наверняка околдован (околдованным, кстати, не возражают!). А коли так, то вопрос: как поведут себя кинжал Отрины и перстень Форве вблизи правителя, если он во власти той самой загадочной Силы, что, пробудившись, вдохнула жизнь в давно уснувшие клинок и кольцо?

Торин солидно прокашлялся и начал долгую, обстоятельную беседу с королём о том, сколько надо набрать мечей, каков предел «верной платы» (морские дружины требовали в случае неудачи похода выплаты некоего вознаграждения для покрытия их издержек и в утешение за невзятую добычу), кого, кроме Фарнака, поимённо хотел бы увидеть король в числе союзников, каким временем располагает он со спутниками и нет ли у повелителя верных людей в Умбаре на случай неожиданных осложнений...

Эодрейд отвечал, но Фолко почти не слышал слов короля. Хоббит давным-давно забросил то, что гномы порою уважительно именовали «магией». Но вот сейчас он, как в далёкие дни войны с Олмером, пытался мысленным взором проникнуть в самую душу Эодрейда, понять, что подвигло умного и справедливого короля на столь странное, жестокое, совершенно ему не свойственное решение. Что? Или кто? Все эти десять лет Фолко не забывал о том, что Храудун – он же Саруман – жив-живёхонек и до сих пор таится где-то в восточных пределах; кто знает этого отца лжи, уж не взялся ли он за старое? Фолко помнил, как мастерски ссорил друг с другом соседние деревни старый странник Храудун в последние годы истинного Арнорского королевства...

Пальцы правой руки хоббита лежали на тёплой рукояти кинжала. Левую он положил на стол так, чтобы камень в перстне эльфийского принца был одновременно направлен и на Эодрейда, и виден ему, Фолко. Хоббит впился взглядом в лицо короля, приводя себя к полному внутреннему молчанию. Серая мгла затопляла сознание; мало-помалу начал гаснуть и окружающий мир. Хоббит более не чувствовал собственного тела; казалось, он парит в неведомом призрачном океане, где, кроме него, остался только один живой человек – король Эодрейд. Внезапно прямо перед хоббитом появилось сияющее, огненно-алое существо – он с трудом узнал того самого мотылька, что мирно трепетал крылышками в такт дыханию Фолко, укрытый в глубинах синего кристалла.

Откуда-то из-за спины Эодрейда лучился яркий, обжигающий глаза свет. И не просто лучился – он пронзал короля насквозь, бился огненными сполохами в его сознании, напол-

няя силой и ненавистью к врагам. И туда, к этому свету, стремглав мчался также и крылатый дар принца Форве. Хоббиту чудилось: он, Фолко, тоже взмывает в поднебесье вслед за чудесной бабочкой. Серая мгла чуть расступилась, мелькнули изломы коричневых гор, сверкающие ледяные короны на вершинах, полоса лесистых всхолмий и, наконец, – беспредельность моря. Откуда-то из-за горизонта, из тех краёв, где солнце стоит прямо над головой, струился этот свет... Мотылёк купался в его лучах, и вдруг – лёгкие крылья окаймил огонь, стремительное пламя пробежалось по телу летучего создания, обращая его в невесомый пепел... И в тот же миг навстречу Фолко рванулась земля.

Он пришёл в себя от льющейся сверху ледяной воды. Увидел полные тревоги лица гномов и Эдрейда и привстал.

Оказалось, что он свалился со стула, да так неудачно, что в кровь разбил лоб. Удар о каменный пол был настолько силён, что хоббит впал в забытие. Но... что же он только что видел? Взгляд хоббита первым делом упал на перстень – там всё оставалось по-прежнему, огненный мотылёк плавно взмахивал крыльями, целыми и невредимыми...

– Прошу простить меня, м-мой повелитель, – выдавил из себя хоббит.

– А разве что-то случилось? – невозмутимо произнёс Эдрейд. – Так на чём мы остановились, почтенный Торин?

Правитель действовал согласно светскому кодексу Рохана – не замечать, если кто-то попал в смешное или нелепое положение.

Фолко поднялся, стирая с лица воду. Щёки его пылали от стыда. Не чуя под собой ног, он кое-как уселся на своё место.

И всё-таки, что же ему предстало? Едва ли это можно приписать удару головой об пол. Станный свет, бьющий в спину Эдрейду...

И это видение... Путь на неведомый Юг – туда, к Умбару и Хараду... Значит ли это, что Фолко и гномам предстоит теперь дорога на полуденные рубежи Средиземья? Первое странствие было на Восток; теперь, выходит, нужно идти на Юг? Но можно ли верить всему явленному? Ох, нет, лучше уж поверить, а то прошлый раз всё сомневались и сомневались...

Вопросов, однако, оставалось куда больше, чем ответов. Откуда взялся загадочный свет? Почему он действует на Эдрейда и не действует, скажем, на него, Фолко? Кто знает... А сил, чтобы разобраться во всём, не хватает. Как помогли бы сейчас эльфы!.. Но их нет, и, значит, придётся рассчитывать только на себя.

– Не могу сказать, что это дело мне по сердцу, – угрюмо говорил тем временем Торин. – В случае неудачи поход поставит Рохан на грань гибели. Нужно ли доказывать это? С Исенской дуги ушла живая половина войска. И тогда оно, это войско, было в десять раз больше того, что мы можем выставить сейчас. В Весеннем походе участвовало тридцать тысяч всадников, а теперь? Десять едва наскребём...

Эдрейд кивнул:

– Ты прав. Победы стоили нам недешево... Но рассуди сам – почему мы выводим в поле только десять тысяч вместо тридцати? Да потому, что большинство выживших в Исенской битве были ветеранами. Десять лет не прошли даром. Бойцы постарели. В поле их уже не выведешь. Но они ещё могут – и ой как могут! – сражаться на стенах крепостей. А наши горные убежища себя оправдали. Ведь ховрамам так и не удалось взять ни одно из них!

– Но если полевая армия погибнет – кто придёт на помощь осаждённым? – упрямо гнул своё Торин. – Ведь мы же считали, что шесть тысяч можем отправить в бой, только шесть тысяч! Три тысячи придётся оставить на Востоке. Одну – заслоном на Исене. Иначе никак.

– Я готов рискнуть и не оставлять на Андуйне ни одного копыя, – решительно заявил Эдрейд. – Дома легко восстановить. Добро легко вывезти. А войско, ты прав, должно вернуться. Будет войско – и остальное появится.

– Едва ли это понравится людям... – проворчал Торин. – Только-только одна война закончилась...

– Но ведь мы не завтра же выступаем, – возразил Эодрейд. – Армия останется в Хорнбурге. Я буду ждать вашего возвращения, потому что без Морского народа справиться с врагами куда как нелегко.

– А если нам не удастся набрать четыре тысячи мечей? – встрял Малыш. – Если эльд-ринги откажутся?

– Тогда и будем думать, – с непроницаемым видом ответил правитель.

«Он не отступит и тогда, – подумал Фолко. – В него словно вдохнули некий гибельный порыв... и король уже не может остановиться».

Разговор замирал. Все наставления получены; верительные грамоты вручены; Торин и Малыш выразительно косились на хоббита.

– Тогда мы просим позволения откланяться, – поднялся тот. – И всё же, мой король, могу я, уже после того как мы получили приказ и, разумеется, постараемся исполнить его наилучшим образом, могу ли я спросить вас, как давно родился этот план? После Тарбадской битвы вы ни разу не высказывали подобных мыслей.

– Когда родился? – Казалось, Эодрейд ничуть не удивился вопросу. – Совсем недавно. Когда мы уже оказались здесь, в Хорнбурге. Я ответил тебе?

– О да. – Фолко поклонился.

– Ну что? Ну как? – накинулись на него гномы, как только они все трое оказались в своём покое.

– Как, как... – проворчал Фолко, падая на кровать. Волнами накатывала усталость, горели глаза, словно их обожгло неистовое сияние загадочного иномирового огня. – Видел я... нечто. Вот послушайте...

– Огонь на Юге? Свет, что заставил Эодрейда лишиться рассудка? – Торин пожал плечами. – Может, оно, конечно, и так... Но всё равно – ничего толком мы не узнали!

– Не узнали, – уныло признался Фолко. – Только шишку даром набил...

– Но поручение-то Эодрейда – оно куда, не на Юг ли? – прищурился Малыш. – Глядишь, там что и выясним... Может, там перстень точнее подскажет, а?

– На перстень надейся... – проворчал Торин. – Ох, до чего же мне это не нравится! Как оно всё некстати! Да ещё и Брего... Он-то нам эту ночь едва ли простит.

– Простит – не простит... – махнул рукой Малыш. – Скажи лучше: что делать с самим Эодрейдом? Как его отговорить? Я, честно признаться, думал, что лучше всего привезти ему отказ Морского народа...

– Или сделать так, чтобы Рохан всё же победил. А король – не повторял бы тех безумных слов: мол, надо перебить всех от мала до велика...

– Хотел бы я знать, в силах ли Рохан справиться с истерлингами, – заметил Малыш. – А то ховсаров с хазгами, положим, разобьём – хотя чует моё сердце, в досталь при этом кровью умоемся, – и что дальше?

– Как «что дальше»? – удивился Торин. – Потом вместе с гномами и Беорнингами – на Арнор! А если тут заколодит – отправимся в Гондор. Там тоже есть что отвоёвывать!

«Ну а что потом?» – на мягких кошачьих лапах прокралась непрошенная мысль, однако хоббит тотчас отогнал её.

– Короче, если завтра в дорогу, то надо спешить – у нас ведь ничего ещё не собрано!

– Вот только одно мне не нравится: вернёмся мы – а тут Брего на престоле вместо Эодрейда! – заметил Маленький Гном.

– Да, тут не знаешь, что лучше – то ли привести Морской народ, то ли нет, – вздохнул Торин. – Приведём – плохо, не приведём – ещё хуже: как бы король с одними роханцами в войну не ввязался!

– А заметь, он ведь ни про Дори Славного, ни про Беорнинггов даже не вспомнил! – ввернул Малыш.

– Конечно! Беорнинггов-то при Тарбаде так потрепали, что помоги им Махал свои собственные рубежи удержать. Дори с Глубинными Стражами воевать собирался – да и у него потери в хирде были немалые!

– Одни эльдринги, почитай, при своих остались... – уронил Фолко.

– Вот поэтому-то правитель нас к ним и шлёт, – заключил Торин, поглаживая бороду. – Понял теперь, Строри?

– Понять-то понял, только какая мне от этого выгода? Хорошо, хоть пиво эти эльдринги варить умеют, от жажды не пропадём.

– Ага, ты ещё вспомни, как Фарнак нас тем пойлом из морской травы потчевал, – усмехнулся Торин. – Кто потом трое суток животом маялся?

– Маяться маялся, но всё равно – ещё раз угостят, непременно выпью! – непререкаемо заявил Малыш. – Уж больно льётся легко да приятно...

– Ага, а если на следующий день в драку? – не отставал Торин.

– Будет вам! – урезонил друзей Фолко. – Всё спорите, спорите... Давайте дело делать. К вечеру хорошо бы уже до Причального добраться.

Причальным назывался тот самый торговый посад, что возник на Исене задолго до вторжения Олмера и в котором друзья познакомились сперва с Хьярриди, а потом и с таном Фарнаком. Во время Исенской битвы посёлок сровняли с землёй; его отстроили ховары, однако король Эодрейд в 1730-м взял Причальный вновь – правда, победителям достались одни пылающие развалины. Роханцы взялись за топоры, в одно лето срубив городок заново. К ещё белым, не успевшим потемнеть брёвнам пристаней один за другим потянулись корабли Морского народа – роханские товары высоко ценились и в истерлингском Арноре, и во владениях Отона, и на юге – в Гондоре, Умбаре и Хараде. Сейчас в Причальном ошвартовался Фарнак.

Друзья покидали Хорнбург с тяжёлым сердцем. Никому ничего не объясняя, Эодрейд отправил Брего на Андуин, подчинив Третьему маршалу ничтожный отряд в две сотни воинов. Богатырь метал разъярённые взоры, однако Эодрейд был со всех сторон окружён своим зоредом, а рядом – разумеется, по чистой случайности! – заняли позицию лучники из полка мастера Холбутлы – нероханцы по рождению...

Они уже выехали за ворота и повернули на ведущую к Ясене торную дорогу, когда Фолко внезапно хлопнул себя по лбу:

– Лопух! Репа гнилая! Как я мог забыть!..

– Э, ты о чём? – всполошился Малыш. – Ненароком яду не в тот бокал подсыпал?..

– Что б тебе язык молотом размозжило! – отмахнулся Фолко. – Кто там говорил, что нужны волшебники? Магов у нас в Средиземье и вправду не осталось, а Древобород-то жив-живёхонек! Вот у кого спрашивать нужно, если уж не добраться до Орлангура!

– А что он может сказать? – удивился Малыш. – Он ведь сам-то никакой не чародей! Думаешь, он сможет нам в чём-то помочь? Сомневаюсь!

– Погоди, ведь Фолко прав, – вступил Торин. – Кроме Фангорна, нам и вправду никто не поможет, а в одиночку мы можем тыкаться как слепые котятка.

Нет уж, нельзя пренебрегать никакой возможностью. Крюк до Исенгарда невелик. Предупредим Фарнака, чтобы подождал, и...

– А что, если Древобород твой уволокся куда-нибудь в свои чащобы? – упорствовал Маленький Гном. – Забыл, что леса его теперь тянутся едва ли не до развалин Дол-Гулдура?

– Всё бы тебе спорить, Строри, – фыркнул Торин. – Скажи уж прямо – лень тащиться!

– Не лень, а времени жаль! – вывернулся Малыш. – Сами же говорите: не маг наш Фангорн, не маг!

– Однако он очень стар и мудр, – заметил Фолко.

– То-то он нам в прошлый раз помог... – скорчил гримасу Малыш.

– Вдруг теперь он сможет больше? – предположил хоббит. – Энты, если захотят, легко остановят всю эту войну...

– То-то они в прошлый раз захотели... – в прежнем духе продолжал Малыш. – Олмер для них ничто! Так зачем энтам в эту ничтожную войну ввязываться? Уж сколько король Эодрейд тут воевал, а им хоть бы хны!

– Это потому, что он строго-настрого запретил людям даже приближаться к Фангорну, – напомнил Торан. – Древобород такого не мог не запомнить. Кто знает, может, мы его и угворим?

Однако Маленький Гном отнюдь не собирался сдаваться, и в качестве последнего довода Фолко с Торином пришлось вспомнить об извечном правиле их компании – «куда двое, туда и третий». Ворча и морщась, Малыш нехотя подчинился.

Они ехали не оглядываясь, и потому никто из них так и не заметил, что следом из ворот крепости выбрался ещё один всадник...

ИЮНЬ, 5, ПРИЧАЛЬНЫЙ, ЗАПАДНАЯ ГРАНИЦА РОХАНСКОЙ МАРКИ

По мирному договору с ховрарами, хазгами и дунландцами роханский рубеж был отодвинут ещё дальше на запад – на три дня конного пути, как записали хронисты в анналах. Посыльные короля Эодрейда уже отправились вместе с выборными вчерашних противников ставить межевые знаки. Следом выступили первые сотни пограничной стражи – срубить там малые дозорные крепостцы. Пройдёт ещё немного времени – и на отвоёванные земли двинутся первые табунщики.

Однако Причальный пока ещё оставался порубежным городком; стража в воротах долго и дотошно сличала королевскую печать на подорожной дружзей с имевшимся у воинов оттиском.

– Да мы ж с тобой уже лет семь как знакомы, Эофар! – не выдержал Торин. – Ты что, не узнаёшь меня, что ли?

– Узнаю, не узнаю – какая разница? Время военное, сам знаешь, – не слишком приветливо буркнул стражник, посторонившись. Друзья въехали в ворота.

Причальный был невелик – две улицы, на три четверти застроенные складами и амбарами.

– Да, всё другое, – вздохнул Малыш, обозревая новенькие срубы.

– Одна река какой была, такой и осталась, – в тон ему отозвался Торин.

Корабли Фарнака они нашли без труда – на высокой мачте трепетало знакомое знамя. За минувшие годы морской тан сильно разбогател (не в последнюю очередь – на союзах с королём Эодрейдом), приобрёл немало новых судов и теперь привёл в Причальный целый отряд. Под погрузкой стояло пять барж. Малыш подтолкнул хоббита рукой:

– А помнишь, тогда, в таверне?..

Фолко кивнул. Теперь от той таверны не осталось даже углей. Да и сам Хьярриди уже не помощник Фарнака – не так давно обзавёлся собственным кораблём и начал плавать на свой страх и риск. Правда, при этом всё равно держался поближе к старому хозяину и промышлял в основном торговлей, а не морским разбоем, предпочитая, если не было товара, продавать за хорошую цену мечи своей дружины. И если тан Фарнак в Причальном, то скорее всего где-то рядом притулилась и баржа Хьярриди...

Так и оказалось. Фарнак давно уже сам не следил за погрузкой, а вот Хьярриди, ещё не заслуживший почётный титул тана, довольствуясь просто «старшим», самолично суетился на палубе, покрикивая на ленивых носильщиков из числа дунландцев. Заключение мира обя-

зывало короля Эодрейда допускать их в свои владения на заработки... Правитель не без оснований видел в этом подвох, но земли на Западе того стоили.

За десять лет бурной жизни смуглолицый мореход сильно изменился. Чёрная борода сильно поседела, лицо иссекли ранние морщины, высокий лоб изуродовал шрам. Прежними остались только акцент да словоохотливость...

– Хой! Эгей! Морской Отец, кого я вижу! – заорал новоиспечённый старшой, едва завидев на причале хоббита и двух гномов.

– Мы, мы это, Хьярриди! – крикнул в ответ Малыш. – Каково плавалось?

– Отменно!.. Эй, а чего там стоите? Фрак, Брок – быстро примите у гостей поводья! Коней расседлате и накормите! А вас милости прошу на борт!

Друзья последовали приглашению.

– С чем пожаловали? – Хьярриди усадил их в тесной носовой каютке, достал из рундука большой глиняный кувшин с пивом и бутылку красного вина. – Смилга! Закуски нам сюда, да самой лучшей! Клянусь оком бури, когда же здесь наконец построят нормальный трактир?

– А вот об этом мы с тобой и пришли потолковать, – с места в карьер начал Фолко.

Хьярриди разом отбросил всю напускную болтливость.

– А что такое, можно узнать? – осторожно осведомился он.

– Нам бы надо на юг, – как ни в чём не бывало бросил Фолко. – В Умбар. Там ведь у вас сейчас нечто вроде столицы?

– Ну да, харадримов мы оттуда попросили по-вежливому, – озадаченно ответил мореход. – Да погоди, я ж тебе это год назад ещё рассказывал!

– Правильно. Вот потому-то нам туда и надо, – невозмутимо заметил хоббит. – Надо поговорить с вашими...

– Да ладно тебе, Фолко! – Хьярриди рассмеялся, толкнул собеседника кулаком в бок. – Говори уж, чего случилось. Хотя я небось и сам отгадаю. Королю Эодрейду опять мечи эльд-рингов понадобились?

Последнюю фразу он произнёс без всякого шутовства, да ещё еле слышным шёпотом.

Фолко молча кивнул. Малыш ловко раскатал на столе внушительного вида грамоту, украшенную полновесной двухцветной – белое с зелёным – печатью короля Рохана. Хьярриди уважительно причмокнул губами. Так же молча, без слов Малыш спрятал свиток.

– Ну что ж, думаю, дело не из простых, но и его справиться можно. – Хьярриди поднял глаза к потолку, словно что-то подсчитывая. – Но вот что важно – торговать-то... где будем? – подмигнул он Фолко.

Эльдринги высоко ценили свою свободу, и купить их воинскую силу было далеко не так просто. Те, кто в поход идёт, должны и цель его узнать – святое правило морских дружин было непререкаемо. Эодрейд это знал и потому на полной тайне не настаивал – секреты Морской народ хранил крепко.

Фолко молча обвёл руками вокруг себя, словно показывая – здесь. Глаза Хьярриди округлились от изумления.

– Дак ведь... расторговали тут уже всё? И ряд взяли...

Хоббит сделал неопределённый жест, означавший примерно следующее: сам удивлён, но у меня приказ.

– Есть что предложить, – заметил он. – Кое-что получше красивых игрушек и круглых монет.

– А что ж тогда? – поразился Хьярриди.

Хоббит нагнулся к самому его уху:

– Земля. Земля здесь, в устье Исены. И притом не в лен, а навечно. Понимаешь?

– Вот это да... – протянул Хьярриди, невольно потянувшись почесать в затылке. – Видать, и в самом деле припекло... Цена царская! До сих пор никто такого не предлагал... Тут ты, брат хоббит, и тысячу, и две, и три наберёшь – только мигни! Да что там три! И десять соберётся...

– Вот об этом мы с Фарнаком и поговорим, – заметил Фолко.

– Со стариком-то? Да он вам то же, что и я, скажет! У него народа раз в десять против моего больше, да немало таких, что уже в годах... Их, как ни крути, земля манит...

Фолко почувствовал нечто вроде досады. Обманывать Эодрейда он не хотел, а король, как видно, и впрямь знал, чем можно купить втайне мечтающий о собственной земле Морской народ...

– Тогда нам в Умбар надо поскорее. Ты-то сам как, тан Хьярриди? Пойдёшь?

– Спрашиваешь! Где королевский ряд? Я первым свою дружину впишу! Когда прибывать? И куда?

– Сборный пункт будет в Тарно, в исенском устье. А дальше часть пойдёт по самой Исене, а часть по Гватхло... А вот когда... Сколько дней морского хода отсюда до Умбара и обратно?

– Две полных дюжины – при хорошей погоде, – последовал немедленный ответ.

– Вот и считай. Туда, обратно, да там ещё...

Хьярриди кивнул.

– Ну, почему в Тарне сбор, это понятно, – заметил он. – А вот Гватхло тут при чём? Там же вроде Отон крепость ладит, цепи, говорят, поперёк русла натянул... Неужто на Тарбад король Эодрейд нацелился? – закончил мореход. – Правильно?

Фолко кивнул.

– Серьёзную куплю правитель затеял, – покачал головой Хьярриди. – Это с Терлингом и Отоном схлестнуться придётся?

– С каких это пор морские волки боятся какого-то там истерлинга? – с великолепно разыгранным презрением Фолко пожал плечами, и молодой кормчий тотчас вспыхнул.

– Мы? Боимся? Да мы от этих приторочней восточных мокрого места не оставим! Не брались всерьёз по сию пору, вот и всё...

– Отлично, – заметил Фолко. – Малыш! Доставай рядную грамоту. Читай, почтенный тан! Твои как, против не будут?

Мореход впился глазами в протянутый Маленьким Гномом свиток.

– Деньги небольшие... – для порядка проворчал он.

– Зато земли сколько, сам читай! – засмеялся хоббит.

«Зачем я это делаю? – вдруг подумал он. – Ведь если мы приведём армию эльдрингов... Эодрейд наверняка начнёт тогда войну. А что будет, если всех сил не хватит?.. Ох, заносит нас куда-то...»

– Согласен. – Хьярриди решительно тряхнул головой. – Мои ребята спорить не станут. И я так понимаю – первым согласившимся лучшая земля? Чтоб у реки и всё такое?

Хоббит почувствовал, что его словно бы внезапно окатили ледяной водой.

«Ого, как ты непрост, король Эодрейд! Как ты всё хитро придумал! Конечно, лучшая земля первым согласившимся... а это значит – потом, при дележе, начнётся настоящая свара... глядишь, и мечи в дело пойдут... и достанется потом скорбящему по союзникам королю Эодреиду исенское устье в целостности и сохранности назад, а что трупами всё завалено – так это не беда. Большие погребальные костры соорудить умеем...»

Но вслух ничего этого он, конечно же, не сказал.

– Ну, раз договорились, нам пора. – Хоббит поднялся. – Нам ещё с Фарнаком говорить надо.

– Я с вами пойду! – спохватился Хьярриди. – В смысле в Умбар. Мой товар всё равно туда назначен. Потому, как я мыслю, долгие сборы вы устраивать не будете, кто в Умбаре согласится – с теми и пойдёте?

Хоббит кивнул.

– Ну и отлично. – Мореход хлопнул ладонью по столу. – Тогда я прикажу быть готовыми к отплытию...

– Не спеша, – остановил его Торин. – У нас тут ещё дело будет – дней примерно на пять. А потом тронемся. Идёт?

– По рукам, – кивнул кормчий. – Дождусь уж вас, а потом с Фарнаком вместе в Умбар тронемся...

Тан Фарнак, несколько огрузневший, постаревший, весь седой как лунь, встретил трёх друзей ещё более гостеприимно, чем Хьярриди. Его тоже не пришлось долго уговаривать.

– Море перестает кормить, – вздохнув, посетовал старый тан.

– Что, рыба перевелась? – попытался пошутить Малыш.

– Рыба? Да что ты, гном! Мы ж всё-таки не рыбаки, мы воины! Пока был Гондор... богатый и изобильный, с ним мы то воевали, то мир заключали – по надобности. А теперь... Нынешний Гондор – блёклая тень бывшего, в Арноре истерлинги, наверное, только теперь, разинув рот, глядеть на каменные башни и дворцы перестали. Отону ещё строить и строить, а про всю мелюзгу, что в Минхириате расселась, я и не говорю. Харад богат и силен, но уж слишком властен, да и морской торговли у них почти нет. А мы и так лишились почти всех покупателей... Земля нужна как никогда! – Он горько усмехнулся: – Вот ведь оно как получилось, друзья... Те, кто шёл с Олмером, собрали немало добычи... Они сейчас верховодят в Умбаре. Мне с ними не по дороге. Так что, думаю, войско мы наберём легко. Вот только зачем королю эта война?

Фарнаку хоббит и гномы могли сказать всё же больше, чем молодому Хьярриди.

– Так, так, так... – Кормчий покряхтел. – Понятно... Тут скорее не землю приобретёшь, а к Морскому Отцу отправишься: с истерлингами тягаться – будь готов, что полдружины положишь. Да и королевское слово... Как бы не стал Эодрейд... гм... беспокойным соседом. Не ровён час, нашими руками уберёт пришельцев из Энедвэйта, захватит Тарбад, а потом и мы ему мешать станем. Не хотел бы я против его конницы драться... Разве что хирд в союзниках имея!.. Но и отказать Эодреиду – как? Он один нас поддерживает, пошлины его низки, а товары хороши, их наверняка продать можно – хоть истерлингам тем же. Но почему ему вообще вступила в голову такая мысль? Я его знал как воина чести...

Друзья переглянулись. Нет, о своих догадках говорить Фарнаку было рано. Пока рано.

– Сами не знаем, – развёл руками Малыш, – но дело своё посольское делаем. Хотя нам всё это не по нутру.

Фарнак только и покачал головой.

– Уж больно кусок лаком, – признался он со вздохом. – Верно Хьярриди сказал – тут и десять тысяч воинов легко набрать можно. И всё-таки с такими силами войну против Терлинга затевать – проще самому зарезаться. Он же легко сто тысяч выставит! А Тарбад показал – командовать его воеводы умеют. Их с налёту не возьмёшь! Да, не было печали...

– Только нам всё равно надо в Умбар, – как бы вскользь заметил Фолко. – У нас там одно очень важное дело.

– Ну, дело так дело. Мне-то что? По старой дружбе отвезу бесплатно.

– Послы короля Эодрейда не могут плыть так. – Торин вытащил из-за пазухи увесистый кошель. – Если сам не возьмёшь – пусть твои молодцы угостятся как следует!

– Себе и впрямь не возьму. – Фарнак потемнел лицом. – Но братия моя гульнёт, конечно... – Он взвесил кошель на ладони. – Хорошо! Как там ещё с походом получится,

даже Морской Отец не ведаёт, а раз вам в Умбар – я отваливать велью, как только вы вернётесь. Пока до устья, да там перегружать... Время и пройдёт.

Хьярриди и Фарнак отправились к себе на судно; Фолко, Торин и Малыш решили в последний раз наполнить прощальную чашу.

В углу внезапно послышался шорох.

– Крысы! – завопил Малыш. Этим тварей Маленький Гном терпеть не мог. Недолго думая, он со всей силы швырнул туда только что опустошённую деревянную кружку.

В углу ойкнуло.

– Мастер Холбутла! – послышался робкий голосок. Из дальнего, полутёмного угла внезапно выступила невысокая, очень тонкая фигурка, чью хрупкость не мог скрыть даже свисавший до земли бесформенный грубый плащ.

Фолко так и подпрыгнул:

– Эовин! Силы земные, что ты здесь делаешь?!

– От те на! – остолбенел Малыш. – Не зашиб я тебя?

– Да нет вроде... – раздалось в ответ.

Девушка стояла, сцепив руки так, что пальцы побелели. Под распахнувшимся плащом виднелась обычная одежда молодого всадника, на тонком поясе – кинжал, за плечами – небольшой охотничий лук.

Щёки девчонки пылали.

– Я хотела... я думала... – пролепетала она и, словно устыдившись этого лепета, гордо скинула голову. – Возьмите меня с собой! – выпалила она одним духом.

Малыш впервые в жизни поперхнулся пивом.

– Тебя?.. С собой?.. – Фолко растерянно глядел на Эовин. – Куда?

– Куда угодно. – Она покраснела. – Куда угодно, хоть на край света... не могу я больше сидеть за крепостными стенами! Имя, которое я ношу... нет сил... Я тоже хочу стать воительницей! – пылко закончила девушка.

– Что ж, нам теперь плестись обратно в Хорнбург? – как бы невзначай поинтересовался Малыш.

– Зачем? – удивился Торин. – Она из дома сбежала! Сдадим роханскому сотнику. Пусть отправит к родным, чтобы как следует выпороли!

– Я Эовин, дочь Эотара, – глаза девушки сверкнули, – и я ни перед кем не держу ответ! Мои родители погибли, а сестра выходит замуж. Не хочу я племянников нянчить! Я с оружием умею обращаться, раны врачевать...

– Пироги печь... – проворчал хоббит.

Эовин покраснела ещё гуще.

– Да, и пироги! – Голос её зазвенел от чудом сдерживаемых слёз. – Потому что без пирогов хуже, чем с ними!..

Гномы усмехнулись.

– Возьмите... – жалобно протянула Эовин, вновь теряя свой воинственный вид. – Возьмите, я вам пригожусь...

– А если тебя убьют, что мне делать? – сердито нахмурился Фолко. – Совсем у тебя, верно, в голове помутилось! Там, куда мы направляемся, тебе ну совершенно делать нечего!

– А ну как найдётся? Вспомните меня, да поздно будет!

– Да уж найдём, как без тебя справиться! – язвительно отрезал хоббит. – Всё, разговор закончен. Малыш! Ты там роханский патруль не видишь?..

– Я всё равно за вами пойду! – Эовин стиснула кулачки.

– Девчонка!.. – Фолко уже терял терпение, и тут Торин вдруг слегка тронул разошедшегося друга за рукав.

– Она ж влюблена в тебя по уши, – прошептал гном на ухо хоббиту. – А коли так – дело серьёзное. Роханских дев не знаешь? В реку бросится, утопится, к хазгам в лапы попадёт, а от своего не отступится!

Гномы к делам сердечным всегда относились с небывалой серьёзностью, делая в жизни один-единственный выбор – или не делая его вообще. И в их глазах мешать кому-то в подобном значило тяжко согрешить против установлений Махала. С точки зрения Торина, Фолко уже сейчас поступал против совести.

Хоббит оторопело уставился на Торина, чувствуя, что вот-вот лишится рассудка.

– Это судьба, – кивнул Малыш, очень, очень, очень серьёзный Малыш, каким Фолко не видел его с самых Серых Гаваней.

– Да вы что? – У хоббита округлились глаза. – Взять с собой... туда... эту девчонку?! Да Эодрейд прикажет нас повесить за... за... она ж малолетка совсем!

– Я уже могу повязать волосы платом замужества! – Эовин гордо задрала нос.

Это было правдой – в обезлюдевшем Рохане теперь выходили замуж и женились рано.

Гномы молча смотрели на Фолко, а он на гномов. Молчаливая игра «кто кого переглядит» продолжалась довольно долго.

– Куда двое, туда и третий, брат хоббит, – нарушил молчание Торин.

– Так, значит, я с вами? – выдохнула девушка.

Фолко медленно кивнул, чувствуя, что подписывает себе приговор.

Эовин, взвизгнув, подскочила, захлопав в ладоши.

– Если Фарнак не возьмёт её на борт, я не виноват, – с последней надеждой в голосе пробормотал хоббит.

ИЮНЬ, 7, СТОРОЖЕВОЙ ЛЕС В ДОЛИНЕ НАН-КУРУНИР, ЮЖНАЯ ОКОНЕЧНОСТЬ ТУМАННЫХ ГОР

Трое друзей и Эовин без всяких происшествий добрались до границы роханских владений. Девчонка оказалась отличной спутницей – некапризной, выносливой и упорной. Как и все в Рохане, она словно бы родилась в седле, умела из ничего в мгновение ока сотворить сытный походный ужин, а кроме того, что особенно ценилось Малышом, неплохо пела и знала множество баллад – от рвущей сердце «Бури над Исеной» до ликующей «Эодрейд в Эдорасе». Пела она и об Олмере, Короле-без-Королевства, – величайшего завоевателя чтили даже враги. Никаких хлопот Эовин не доставляла.

Трое друзей вновь шли тем же путём, что и десять лет назад, когда тайком пробирались к Исенгарду в надежде найти там следы загадочного Вождя... На сей раз всё было иначе, и прятаться не пришлось. Пограничная стража пропустила их после того, как Фолко показал грамоты; Эовин же ловко, точно змейка, проползла по зарослям. Её не заметили.

Оставив на всякий случай топоры гномов начальнику заставы, Фолко и его спутники двинулись дальше.

Здесь, в Нан-Курунире, за истекшие годы ничего не изменилось, в отличие от Рохана, Арнора и всего Эриадора. Так же негромко переговаривалась под летним ветром листва буков и грабов, спокойно текла Исена, и видно было, что уже немало лет люди избегают этих мест. Роханцы никогда не приближались к краю Сторожевого леса ближе чем на три полёта стрелы. Эовин притихла, с опаской поглядывая на вздымающуюся стену деревьев.

– Ну что, нас опять начнёт водить, как тогда? – проворчал Малыш. – Вот уж меньше всего хотелось бы снова плутать по этим корням и корягам!

– Мы ему постараемся представиться, – откликнулся Фолко, вплотную подходя к зелёной стене зарослей и высоко поднимая руку с надетым на палец эльфийским перстнем. Мотылёк в камне, казалось, начал быстрее взмахивать крылышками – или, может, это про-

сто стало сильнее биться от волнения сердце хоббита? В бурях и тревогах последних лет ему было не до Старого Энта. Судьба бросала Фолко то к родному очагу, когда немалой кровью пришлось отражать натиск хеггов да орков на Хоббитанию, то в дальние восточные пределы – к Великому Орлангуру и владениям принца Форве. А вот Старый Энт все эти годы не покидал своего леса, но хоббит не сомневался, что если кто в пределах досягаемости и может им помочь, так это Древобород.

– Мэллон! – четко выговорил Фолко по-эльфийски. Он действовал по наитию, что порой бывает полезнее долгих и многомудрых рассуждений. Элдарское слово, открывавшее Врата Мории. Кто знает, может, Фангорн и научил его своих подданных, на тот редкий случай, что кто-то из Перворождённых всё-таки заглянет сюда? – Элберет Гильтониэль! Пропустите нас, мы идём к Древобороду, хозяину Фангорнского леса! Я ищу Фангорна!.. Проводите нас к нему!

Сторожевой лес отличался от Фангорна тем, что здесь – особенно в первых рядах – стояло множество хйорнов. И сейчас Фолко чувствовал: на них взирает бесчисленное множество незримых глаз. Ощущая то же самое, гномы неловко задвигались, поднимая безоружные руки и всячески показывая, что топоров при них и в помине нет.

Ничего не изменилось. Всё осталось как прежде. Не открылась чудесным образом тропа в глубь Сторожевого леса, не явился путникам сам Древобород – просто направленные на хоббита и его товарищей взгляды куда-то разом исчезли. Фолко обернулся к друзьям:

– Пошли.

– Куда?! – завопил Малыш. Лезть в чащобу ему ужасно не хотелось.

– Пойдём старым путём, держась края гор. В конце концов доберёмся до Древобородова дома, – ответил хоббит.

Малыш в сердцах сплюнул.

На сей раз дорога через Сторожевой лес оказалась куда легче. Сплошные переплетения ветвей исчезли, деревья не смыкались подобно брёвнам в крепостном частоколе. Довольно скоро путники достигли края долины; оставив склоны гор по левую руку, осторожно двинулись в глубь леса. Ловчее всех прыгала через корни и коряги легконогая Эовин.

– Погодите! – вдруг замер Торин. – Не здесь ли мы уже побывали?

Круглая поляна с мягкой тонкой травой; серое тело скалы, пенный росчерк водопада; бурливый ручей, утекавший куда-то в чашу; каменный стол и каменные кувшины в скальной нише. Вот только травянистое ложе куда-то исчезло...

Дом Старого Энта был пуст.

– Ну что, не послушались? – напустился на друзей Строри. – Протаскались, ноги посбивали? И куда теперь – до Лориэна скакать прикажете?

Не удостоив его ответом, Торин пристально взглянул на хоббита.

– Искать Древоборода по всему Фангорну мы, конечно, не станем, – медленно сказал Фолко, размышляя вслух. – Но вот его кувшины... я б непременно в них заглянул!

– Ты что? – поразился Торин. – Наковальня на затылок свалилась?

– Нет... – Чуткие пальцы хоббита осторожно ощупывали замазанные глиной горловины. – Фангорн ушёл отсюда... Я чувствую. Это место хранит память о нём, но сам он сюда не вернётся.

– Да что ты такое несёшь! – не выдержал Малыш. – Ты-то откуда это знать можешь?!

Фолко со вздохом опустил на тёплую землю подле одного из кувшинов. Запрокинув голову, он несколько мгновений смотрел куда-то вверх, словно к чему-то прислушиваясь, а затем покачал головой и обернулся к Малышу:

– Когда мы шли сюда – я имею в виду, шли десять лет назад, – это место было полно чародейства. Не такого, что порождает огненные смерчи или тому подобное, но чародейства тонкого, дивного и древнего, тайных теней, что отбрасывают духи под лучами Нездешних

Солнц... Я видел холодные звёзды, что возвещали появление Фангорна. Теперь ничего этого нет и в помине. Лес был тогда жив, он пытался не пропустить нас... А теперь... Здесь пусто, тихо и сонно. Трава и деревья вновь уснули. Чародейство покинуло эти места, и когда воротится назад – кто знает? Что-то изгнало Древоборода из этих мест... Нечто заставившее его вернуться в глубины Фангорна. Хотел бы я знать, что именно!

Фолко произнёс всё это чуть нараспев, покачиваясь, точно в забытии. Быстро-быстро кружились перед мысленным взором тонкие лепестки синего цветка, спасённого от жадной земной пасти им, хоббитом, десять лет назад неподалёку от этих мест. Фолко даже не удивился возвращению и этого видения. Напротив, он, наверное, больше был бы озадачен, не случись так. Просыпались от долгого сна те Силы, что, казалось бы, навек покинули этот мир после гибели Серых Гаваней и Исхода эльфов...

Гномы озадаченно косились на друга, Эовин глядела на Фолко разинув рот.

– Эк ты, брат хоббит, говорить-то стал, – покачал головой Торин. – Ровно мы опять за Олмером гонимся...

– Вы гнались за Олмером? – задыхаясь, выпалила Эовин, однако Торин одним взглядом заставил девчонку умолкнуть.

– То-то и оно, что опять, – буркнул Малыш. – Плетёте невесть что! Притащили меня в эту чащу невесть зачем, Древоборода не нашли – так и будет он нас тут дожидаться; а теперь снова в видения да пророчества ударились! Ох, не кончится это добром, ох, не кончится!.. Ну, чего теперь-то стоим? – сварливо осведомился он напоследок. – Бери мешки да айда отсюда!

– Если бы Древобород навек покинул этот край, то едва ли он бросил бы здесь свои кувшины, да ещё так тщательно запечатанные, – игнорируя Малыша, задумчиво уронил Торин.

– А может, не бросил, а специально оставил? – предположил Фолко, пристально глядя на каменный бок одного из сосудов. – Я вот этот, похоже, помню. Он мне из него питьё наливал...

– Ты что, ещё подрасти хочешь? – хохотнул Малыш. Ему было всё ясно, а следовательно, и скучно, он переминался с ноги на ногу, яростно теребя бороду.

– Подрасти не подрасти, но... Торин! Может, с собой их возьмём? Чует моё сердце. Старому Энту они уже без надобности...

Хоббит внезапно умолк, замерев и пристально вглядываясь в камень на своём перстне. Казалось, он потерял дар речи от удивления.

– Бросил бы ты это дело, Фолко. – Торин тем временем покачал головой. – Не нравится мне эта выдумка. Питьё энтов – штука не простая, да и прилично ли без хозяина по его запасам шарить?

Хоббит встряхнулся, приходя в себя.

– Это не запасы. – Он покачал головой. – Это оставлено как дар... тому, кто придёт и воспользуется...

– Да откуда ты это знаешь, расплющи меня Хругнир! – завопил потерявший остатки терпения Маленький Гном.

Вместо ответа Фолко лишь поднял перстень. Гномы вгляделись – и ахнули. Эовин невольно вскрикнула.

Алый мотылёк исчез. Вместо него появилась крошечная движущаяся картина: ночь, звёзды над лесом, тёмный, уходящий к самому небу склон и высокая фигура Старого Энта, аккуратными и медленными движениями ставящая один за другим запечатанные кувшины.

– Я знаю, что в оный день ты придёшь сюда, непоседливый и торопливый хоббит, – чуть нараспев, совершенно не свойственно ему, обычным людским языком из камня на перстне произнёс голос Фангорна. – И я знаю, что ты будешь искать. Видения! Того, что поможет тебе взглянуть далеко за окоём... Я оставляю тебе моё питьё. Я составил его специально для тебя. Пусть твой путь будет более удачлив... Мои слова запомнят вода и камни,

трава и ветви. И когда бы ты ни пришёл сюда, дар эльфов поможет тебе меня услышать. Я предвижу: Мир наш ещё ждут великие испытания, и судьба поведёт тебя прямо в самое пламя.

Голос замолк. Поражённые, молчали и гномы, и девушка.

– Я услышал этот голос, когда потянулся к кувшину, – медленно проговорил Фолко. – Не знаю, отчего меня сразу потянуло к энтскому питью... Руки сами вспомнили всё, как будто это я его туда поставил...

– Да, – после некоторого молчания вздохнул Торин, – вот уж не ожидал! А почему же тогда Фангорн сам не встретил нас здесь?

Хоббит пожал плечами и молча потянулся к кувшину. И – о чудо! – едва руки коснулись каменного бока посуды, кувшин засветился точно так же, как и в ладонях Старого Энта, но только тревожным, багряным светом. По светящимся стенкам пробежали короткие тёмные молнии.

Фолко быстро, одним движением выбил глиняную пробку и наполнил чашу, что так и стояла здесь же, на столе, точно ожидая гостей.

– А нам? – немедленно возмутился Малыш.

– Едва ли оно подействует на вас так же, как на меня, – покачал головой Фолко, но питьё друзьям, естественно, налил.

– А тебе нечего, – буркнул хоббит, устремляя на переминавшуюся с ноги на ногу Эовин нарочито суровый взгляд. – Кто знает, ещё потравишься... Людского питья тут не оставлено.

– Так вы, мастер Холбутла, значит, ещё и колдовать умеете! – Эовин восхищённо взирала на Фолко, не обращая внимания на его насупленные брови.

– Будет чушь молоть! – прикрикнул хоббит. – Мы такое уже пили. А вот что с тобой случится, коли ты энтского питья отведаешь, один Эру знает! Так что сиди смиренно.

Эовин с видом послушной девочки скромно потупилась.

– Сдвинем чаши, – негромко произнёс Торин. – И возблагодарим владыку Фангорна за его доброту.

Ароматное и терпкое питьё напомнило хоббиту хорошо выдержанное старое вино. Во многом напиток походил на тот, что Фолко попробовал в первую свою встречу с Древобородом, но немало оказалось и внове. Сладкий и горький, холодный и горячий – всё вместе; голова от него кружилась так, что у хоббита подкосились ноги. В глазах вспыхнуло алое пламя – такого же цвета, что и светящийся кувшин. На краткий миг Фолко увидел все лесные глубины Фангорна, а в самом сердце великого леса – неспешно бредущую фигуру пятнадцатифутового исполина. Старый Энт внезапно замер, поднял глаза вверх – и его взгляд встретился со взором хоббита.

– Я рад, что мой дар нашёл тебя, хуум-хом! – раздалось в ушах Фолко. – О чём ты хотел спросить меня? Торопись!

– Свет! Ты чувствуешь свет?! – выкрикнул Фолко, шестым чувством понимавший, что это сейчас – самое главное, главнее, чем нелепая война Эодрейда, главнее всего, даже оживших кольца и кинжала.

– Свет? Хуум-хом, да, да! Древний свет! Мне кажется, что отблески его были в глазах прозывавшегося Серой Мантией, Тинголом...

– Как ты сказал? Тингол?

– Тингол! – громыхнуло в ответ. – И та, что с ним... Эльфы звали её Медиан.

– В их глазах? Этот свет? Древобород, мне надо увидеть тебя.

– Ничего не выйдет, любезный мой хоббит. Я уже в пути и не поверну назад. Это мой путь, и не спрашивай, куда он ведёт! Мой дар поможет тебе найти меня и говорить! А теперь прощай!

Видение оборвалось. Оно длилось лишь несколько мгновений, и Фолко быстро пришёл в себя.

Гномы в недоумении таращились на него.

– Здорово, конечно, но, по-моему, ничего особенного, – резюмировал тем временем

Малыш.

– Я видел Древоборода, – отчеканил Фолко.

– Видел Древоборода? – удивились его товарищи.

Фолко в нескольких словах пересказал случившееся.

Гномы дружно потянулись чесать затылки. Глаза у Эовин стали точно чайные блюдца.

– Свет, Свет, Свет! – Хоббит сжал виски ладонями. – Что за Свет? Отблеск которого Фангорн видел в глазах...

– Побывавших в Валиноре, – мрачно закончил Малыш. – По-моему, это всё ерунда. От энтского питья и не такое привидится! Мню я, они... того... сами его перебрали.

Торин с сомнением пожал плечами.

– Ладно! Надо поворачивать назад. Бросить службу у Эодрейда мы ведь пока не хотим, не так ли?..

– Пожалуй, этот кувшин я прихвачу с собой. – Фолко озирался в поисках подходящей затычки.

– Да перелей ты его во флягу! – посоветовал Маленький Гном.

– Ну нет. – Фолко, пыхтя, вколачивал деревянный кругляш в горлышко. – Он, по-моему, важен не меньше, чем его содержимое.

– Тогда сам и тащи, – ухмыльнулся Малыш.

– Не беспокойся, колени не подогнутся, – шутливо огрызнулся Фолко.

Они начали собираться.

– Мастер Холбутла, а мастер Холбутла! – Эовин осторожно тронула хоббита за рукав. – А... вы не расскажете мне... про Валинор... страсть как хочется узнать!

Фолко поднял глаза на девушку. Щёки её вновь пылали, но на сей раз не от стыда – она предвкушала, что сможет наконец заглянуть за край той бездны, в которую, оказывается, спустился и сам мастер Холбутла...

«Силы земные, как же она похожа на меня! – вдруг со смятением подумал хоббит. – На меня тогдашнего... перечитавшего вдоль и поперёк все книги и готового отдать правую руку за правду о Валиноре и Валарах. И так же, как Эовин, опрометью кинувшегося из родного дома вслед за Торином... по той дороге, что в конце концов привела сперва к Серым Гаваням, а теперь и сюда...»

– Расскажу, Эовин, расскажу, – мягко проговорил Фолко. – Вот поплывём, тогда времени с избытком будет...

– Здорово! – Девушка захлопала в ладоши.

К Фарнаку они успели вовремя. Несмотря на соблазн, питьё хоббит больше не пробовал. Он возобновил давно заброшенные было упражнения – сжимая мысль в тонкий и упругий клинок, черпать силу в перстне Форве или клинке Отрины, пытаясь заглянуть за окоёмную черту. Однако, пока плыли по Исене, у него так ничего и не получилось. Малыш откровенно подтрунивал над другом и предлагал выставить дар Древоборода на прощание тану Фарнаку...

Старый кормчий покривился при виде Эовин – мол, с девкой на корабле беды не обещаться, – но от слова своего не отступил.

ИЮНЬ, 14, ТАРН, ПОРТОВАЯ СТОЯНКА МОРСКОГО НАРОДА В УСТЬЕ ИСЕНЫ

Война прокатилась и по исенским берегам. Арнорцы покинули Тарн, едва пришло известие о прорыве Олмера за Андуин; часть дружин Морского народа вступила в союз с Вождём и участвовала в его походе на Север; однако они зря надеялись на благодарность победителей. Хегги мимоходом заняли устье Исены; несколько сотен эльдринов, случившихся в Тарне, отразили два штурма, но в конце концов полегли все до единого. Хегги спалили склады и причалы, не зная, что делать с добычей, – море они ненавидели и боялись. А потом, бросив пепелище, ушли на север. Тарн достался ховравам, однако и они не стали ничего здесь строить. Эльдрины не забывали обид, и потому король Эодрейд легко склонил их к союзу, пообещав восстановление Тарна. Дружина Фарнака была среди тех, кто в мае 1730-го ворвался в устье Исены; после победы король Эодрейд добился от ховравов уступки Тарна эльдринам – правда, без права строить укрепления. Последняя война обошла Тарн стороной, однако Морской народ удовольствовался одними причалами и складами. Место служило простым перевалочным пунктом, где доставляемые по мелководной Песне на баржах товары перегружались на мореходные «драконы». Правда, нынче для торговли настали плохие времена – ховравы ничего не покупали у роханцев, а Гондор обеднел... Тарн уменьшился едва ли не втрое против довоенных времен.

Сейчас у длинных пристаней стояло всего три корабля.

– Хедвиг, Ория и Фрам, – едва взглянув на стяги, определил Фарнак. – Говорить стоит только с Орией. Остальные мелочь, да вдобавок из худших. А у Ории – тысяча мечей. Сильнее его только Скиллудр, но тот сейчас далеко, в Умбаре. Может, вы его ещё увидите...

– Если и увидим, звать не станем, – жёстко ответил Торин.

Скиллудр после падения Серых Гаваней попытался вторгнуться в Арнор по Брендивину, однако вчерашние союзники-истерлинги дали ему отпор. В жестокой схватке Скиллудр прорвался до Сарн-Форда, но там, встретившись с войсками Отона, повернул назад. После этого Ястреб, как называли Скиллудра, пронёсся по всему побережью точно разрушительный ураган. Не вступая ни с кем в союзы и действуя только в одиночку, он опустошил берега Минхириата и Энедвэйта, обрушился на Белфалас и даже подступал к Дол-Амроту, но взять неприступную крепость, конечно же, не смог. Его дружина сильно выросла, он выводил в море целый флот – три десятка «драконов» – и командовал настоящей армией в шесть тысяч мечей, оставив далеко позади всех остальных танов, довольствовавшихся пятью-шестью сотнями воинов и двумя-тремя кораблями... Десять лет Скиллудр разорял прибрежные земли, воюя с Гондором и с Харадом, с Терлингом и с Отоном. Из-за его набегов харадские правители не раз грозились стереть Умбар с лица земли, но их рати, конечно, ничего не смогли бы сделать с этой твердыней, тем более что морские просторы безраздельно принадлежали «драконам» эльдринов.

Тан Ория принял высоких послов на палубе своего лучшего корабля. Фарнак уже успел шепнуть старому приятелю, что к чему, и до посольских грамот дело дошло только в крошечной каюте кормчего.

Ория, высоченный, худой, совершенно лысый, со следами страшных ожогов на черепе (как-то в молодости попался харадским охотникам за пиратами), выслушал речь Фолко спокойно, не моргнув глазом.

– Фарнак, жначит, уже шоглашилши, штарая лиша... – прошамкал тан. Зубы его были изрядно прорежены харадскими тюремщиками. – Жначит, шемьшот мешей у вас уже ешть... Ну так добавьте ещё мою тышячу! – И он решительно потянулся к выложенному Малышом договору. – В Умбар я ш вами не пойду. Буду ждать в Тарне. Да! Вам тоше лучше прижа-

держаться – должен вот-вот подойти Шваран. У него три шотни, но малый он честный. Думаю, через день-два он покажется...

– Если так дело пойдёт, мы и в самом деле соберём целую армию! – шепнул хоббит Торину, когда они возвратились на корабль Фарнака. – Вот только не слишком меня это радует...

Торин и сам был чернее тучи.

– Если Эодрейд с такой лёгкостью нарушил одно слово, то почему бы ему не нарушить и другое? Едва ли он согласится отдать единственный выход Рохана к морю!

Фолко лишь вздохнул. Пожалуй, настроение более скверное у него было лишь после падения Серых Гаваней...

Посоветовавшись с Фарнаком, друзья и впрямь решили задержаться.

– Сваран-то? Как же, знаю его. Из молодых, но отличный боец. Одно время смотрел в рот Скиллудру, но после того, как тот стал охотиться за гондорскими женщинами, чтобы продавать их в Харад, от него отошёл. Теперь вот сам ходит... Ория-то ему сыздавна покровительствует. Хорошо, подождём!

ИЮНЬ, 15, ТАРН

Переночевав на корабле, друзья с утра решили пройтись и размять ноги. Особенно тут ходить было некуда – ни трактиров, ни таверн, ни даже рынка; и всё-таки в Тарне встречались не только эльдринги. Были и дунландцы, попадались хазги; жили они все чуть поодаль, за городской чертой, где соорудили нечто вроде временного лагеря. Занимались в основном работой на морских танов, и здесь же собирались те, кто хотел вступить в вольную дружину Морского народа.

Эовин, несмотря на её протесты, Фолко запер в каюте, наказав эльдрингам Фарнака присматривать за девчонкой, чтобы невзначай не сбежала.

По ещё не наезженной дороге Торин, Фолко и Малыш выбрались из Тарна. Исена осталась по правую руку; покрытый травой прилуг – обрывистый степной кряж вдоль речного берега – принял на свои плечи тропу. Навстречу попало несколько дунландцев; перед незнакомцами в блистающей броне они поспешно сняли шапки, как и полагалось, но взгляды, коими они проводили Фолко и гномов, были куда как далеки от дружелюбных...

– Ты что, собрался в гости к этой братии? – удивился Малыш, когда Фолко решительно направился к лагерю эльдрингских наймитов.

– Хочу взглянуть, что у них там делается, – отозвался Фолко. – Строри, ты что, боишься?

– Не подначивай, – вздохнул Маленький Гном. – Ничего я не боюсь. Просто не люблю, когда так смотрят, словно зарезать мечтают...

– Именно об этом они и мечтают, – усмехнулся Торин. – Думаешь, имя мастера Строри, командира панцирного полка в войске короля Эодрейда, не известно никому в этих степях? Или ты забыл, как месяц назад крошил тех же дунландцев под Тарбадом?

Строри промолчал.

В лагере трёх друзей и впрямь с самых первых шагов обдало презрительным, холодным молчанием. Все ломали перед ними шапки и кланялись, но вслед сквозь сжатые зубы летели проклятия. Ни Фолко, ни гномы ничем не показывали того, что слышат.

Лагерь оказался самым обычным скопищем на скорую руку возведённых землянок, полуземлянок, лёгких балаганов, палаток и шалашей. Фолко только дивился, как здешние обитатели переживают зимы – хоть и юг, хоть и возле моря, а холод всё равно холод.

В отдалении возле костра сидела на корточках группа хазгов – человек десять, с саблями, но без своих страшных луков. Один из сидевших внезапно бросил в костёр щепотку

какого-то порошка, отчего пламя тотчас же стало синим. Бросивший медленно выпрямился, заведя протяжную песню на своём языке; слова в ней были сплошь древние, непонятные, и Фолко, неплохо зная обиходную речь хазгов, ничего не мог разобрать в этом песнопении.

Продолжая петь, хазг выбрался на открытое место. Кривоногий, седой, старый, весь в сабельных шрамах... Лицо его показалось хоббиту знакомым – уж не в отряде Отона ли вместе ходили? Хазг закружился, широко раскинув руки и запрокинув голову.

Фолко внезапно замер, прислушиваясь.

– Ты чего? – удивился Малыш.

– Тихо! – бросил хоббит.

«Свет, свет, свет! Льётся, льётся, льётся! Встаёт враг, встаёт, встаёт! Надо вам тоже вставать, братья! Мы встанем! Встанем! Встанем! – разобрал хоббит. – Огонь! Огонь! Огонь! По старой земле да по нашей земле! Прежде чем разольётся свет – сами навстречу пойдём! Пойдём за светом, за светом пойдём! Земля – наша! Наша! Наша! С огнём и за неё!»

Кружившийся быстро терял связность речи, приводя себя в какое-то странное иступление. Остальные хазги тоже вскочили на ноги, начиная один за другим кружиться столь же неистово. Кое-кто выхватил сабли.

– Эй, Фолко, идём отсюда! – нахмурился Малыш. – Они, по-моему, тут все белены объелись.

Старый хазг внезапно дёрнулся, словно от удара, услышав имя хоббита. Сабля в тот же миг оказалась у него в руках.

– Предатель! – услышал Фолко низкий яростный рык. Глаза хазга наполнили безумие; широко размахнувшись, он бросился на хоббита.

– Ты что?! – выкрикнул по-хазгски Фолко, уклоняясь от удара, и в тот же миг узнал нападавшего.

Как он мог забыть? Тот самый старый предводитель хазгов из отряда Отона!

– Остановись! – Меч хоббита проскрежетал о саблю хазга.

– Когда твоя голова пойдёт на корм свиньям! – последовал ответ.

С двух сторон на помощь хоббиту ринулись гномы. Остальные хазги, ни о чём не спрашивая, тоже схватились за оружие. Словно из-под земли появились страшные луки. Прогудела отпущенная тетива; по прилобью предусмотрительно надетого хоббитом шлема скользнула стрела. Фолко пошатнулся, и старый хазг мгновенно атаковал. Лезвие полоснуло по наплечнику хоббита – и бессильно отскочило от мифрильной пластины.

– Тебе со мной не справиться! – Хоббит отбил в сторону саблю, поднявшуюся было для нового удара.

Хазг не ответил. Фолко крутнул меч над головой, открываясь, и, поймав противника на замахе, чётко направил остриё клинка в правое плечо старого воина. На хазге не было доспехов; хоббит хотел обезоружить противника, однако того словно бы подхватила какая-то злая сила: хазг внезапно споткнулся, неловко качнулся вперёд, разворачиваясь, и меч Фолко насквозь пробил ему сердце.

Гномы отбросили нападавших; однако вид мёртвого тела, похоже, лишь ещё больше взъярил степняков.

– Да остановитесь же, болваны! – заорал Малыш, но хазги, похоже, не понимали всеобщего языка. – Мы ж вас всех перебьём! – с присущей ему скромностью продолжал Маленький Гном. Меч и даго его так и сверкали. Правда, пока он больше развлекался. Невелика честь справиться с бездоспешными, когда на тебе мифриловый бахтерец.

– А потом наши – ваших! – неожиданно проревел ещё один хазг, выныривая из-за спин атакующих. Меч Малыша соскользнул по подставленной сабле, и хазг ловкой подсечкой сбил гнома на землю. Четверо хазгов тотчас же навалились сверху.

Дело принимало серьёзный оборот.

– Хватит церемониться! – рявкнул Торин, и его топор тотчас же нанёс смертельный удар.

Фолко молча и не теряя времени проткнул насквозь ещё одного степного воина. Тяжёлые стрелы били его в грудь и живот, пара лязгнула по забралу. Если бы не мифрил, Фолко давно уже был бы мёртв.

Торин дважды взмахнул топором, помогая Маленькому Гному. Тот стряхнул с себя оставшихся в живых и уже начал было подниматься; однако, помогая другу, гном на миг упустил из виду того самого хазга, что так удачно опрокинул Строри на землю. Могучий, широкоплечий, он едва ли уступал силой сыну Дарта. Эфес сабли ударил в забрало Торина. И тут – то ли гном по небрежности плохо затянул крепёж, то ли порвался ремешок – шлем слетел с головы гнома. В тот же миг сверкающая сталь рассекла лицо. Малыш с диким воплем вскочил на ноги, размахнулся, но хазг ловко отпрыгнул в сторону и поднял руку, останавливая своих.

– Хватит! Я хочу, чтобы вы ушли. А этому, – он презрительно кивнул на Торина, упавшего на вытоптанную траву, – я оставил свою метку. Второй раз ему не уйти. Забирайте его и проваливайте, только сперва бросьте оружие!

– Это ещё почему?! – зарычал Малыш.

– Потому что без своего знаменитого шлема он будет мёртв через секунду. – Вожак хазгов кивнул на лучников, что уже целились в незащищённую голову гнома. – Если вам дорога его жизнь, сделайте, что я говорю!

– Мы снимем доспех, а ты всадишь нам по стреле в спину?! – Малыш хрипел от ярости.

– В отличие от вас мы не нарушаем слова, – презрительно бросил степняк.

– погоди, Малыш. – Фолко говорил и двигался нарочито замедленно, словно боясь, что его резкое движение заставит кого-то из стрелков отпустить натянутую тетиву. – погоди. Наши доблестные противники забыли об одной очень важной вещи... Очень, очень важной вещи...

Говоря так, хоббит повернулся боком к обступившим их воинам.

– Вы забыли о празднике рода Харуз, – произнёс он, резко выпрямляясь.

Что-то коротко блеснуло в воздухе. Трое лучников повалились замертво – из груди у каждого торчала рукоять метательного ножа.

Хазги замешкались, и Малыш тотчас же нахлобучил Торину на голову шлем.

– Уходим!

Отступали они странным порядком – Малыш поддерживал Торина (у того по нагруднику обильно струилась кровь), а хоббит пытался, держа на виду метательную снасть. Хазги подобрали луки убитых, появились и новые стрелки; они медленно двигались следом, не решаясь, однако, приблизиться. Несколько выпущенных наудачу стрел отскочили от доспехов Фолко и гномов.

Дунландцы угрюмо взирали на происходящее, но не вмешивались.

Выручили эльдринги: десяток воинов Ории зачем-то направлялся в лагерь наймитов.

– Это что ещё за непотребство? – заорал коренастый десятник, едва завидев вооружённых хазгов. – Забыли Тарнский уговор?

Кто-то из степных стрелков уже вскинул луки, и, наверное, смелый воин Ории тут же и нашёл бы свой конец, если бы не вожак хазгов.

– Пусть они уходят, – обратился он к своим. – Мы ещё посчитаемся, и притом очень скоро! А Тарнский уговор... Он пока ещё нам нужен. Но потом...

Он осёкся, словно вспомнив, что один из врагов хорошо понимает хазгскую речь. Повинуясь его молчаливой команде, хазги проворно убрались прочь. Вожак задержался. Понимая, что тот хочет что-то сказать, Фолко шагнул ему навстречу, всем видом показывая, что готов выслушать, но захватить себя врасплох он больше не даст.

– Зачем он напал на меня? – первым начал хоббит, имея в виду убитого им старого хазга.

– И ты ещё спрашиваешь? – Вожак презрительно сплюнул в траву. – Разве не ты приносил клятву Вождю Эарнилу? Разве не ты ходил в отряде Отона? И разве не ты потом командовал у соломенноголовых, когда те ворвались на наши земли? Кожу бы с тебя живьём содрать следовало! Небу угодно будет, я это ещё увижу!

– И это всё, что ты хотел сказать? – невозмутимо осведомился Фолко.

– Нет! Не всё! – Хазг выплевывал слова, словно чёрные проклятия. – Скажи своему королю, что мы ничего не забыли и не простили. Мы знаем, что Великая Сила расправляет крылья где-то на юго-востоке, – об этом сказали нам наши провидцы, одного из которых ты, нечестивец, убил сегодня! Мы знаем, что эта Сила враждебна нам. И мы знаем, что, быть может, кто-то вновь захочет стереть с лица земли наш народ. Так вот знай: мы не станем покорно ждать вашего удара, словно быки на бойне! – Хазг плюнул под ноги Фолко, повернулся спиной к хоббиту и быстро зашагал прочь, вслед за сородичами. Хоббит скрипнул зубами и тоже заторопился.

Рана Торина, по счастью, оказалась хоть и обильно кровоточащей, но всё же неопасной, однако лоб его, похоже, оказался навеки изуродован. Хитрое сабельное лезвие отчего-то не рассекло, а разорвало кожу, обнажив кое-где кости черепа. Могучий гном с трудом доковылял до корабля Фарнака и только там позволил себе свалиться в забытие.

Эовин только тихонько ойкнула и сама же зажала рот ладошкой, тотчас кинувшись помогать.

Поднялся большой переполох. Эльдринги очень ревностно относились к порядку в своих владениях: Ория предлагал двинуть несколько сотен воинов и сжечь дотла все хазгские жилища. Его насили успокоили. Воевать с лихими стрелками и наездниками, не имея рядом могучей роханской конницы, означало даром положить всё войско.

Тем не менее добрая сотня эльдрингов в полном вооружении окружила лагерь со всех сторон и потребовала выдачи хазгов. Однако те, словно предчувствуя, уже успели скрыться. Гнаться за ними никто не стал.

В положенный срок, как и предсказывал Ория, появился Сваран. Молодой тан без долгих колебаний согласился участвовать в походе; вместе с Орией он, подписав рядную грамоту, остался в Тарне ждать подхода главных сил флота эльдрингов.

– В море-то выходим или нет? – сердито спрашивал Фарнак у Маленького Гнома.

– Выходим, выходим, – успокаивал его тот. – Вот только травы Фолко соберёт, чтобы отвары готовить, – и в путь.

Это задержало их ещё на полтора дня. Торин лежал в беспмятстве, рана гноилась, и кто знает, чем бы всё кончилось, если бы хоббиту не посчастливилось набрести на целему, невесть каким ветром занесённую сюда с севера. После этого дело пошло лучше, и утром они отвалили. Торин уснул спокойно, дыхание его стало ровным, жар спал.

«Драконы» Фарнака и Хьярриди вышли в открытое море.

Глава III

ИЮНЬ, 20, ТРАВЕРЗ МЫСА БАЛАР, ОТКРЫТОЕ МОРЕ

Торин был в бешенстве. С тех самых пор, как гном пришёл в себя, он не переставая ругался самыми чёрными словами, правда, лишь когда рядом не маячила Эовин, а поскольку она всё время вертелась поблизости, помогая Фолко ухаживать за раненым, то понятно, какой запас сильных выражений накапливался у Торина к тому моменту, когда девчонка выскакивала наконец на палубу.

– Ты отвык проигрывать, друг мой, – заметил Фолко, меняя гному смоченную отваром целемы повязку. – Мифрил, он ведь тоже коварен – начинаешь думать, что неуязвим. Ан не тут-то было!

– Я найду этого степного пса, – задыхался гном, едва не слетая с койки. – Найду и...

– С меня он грозился содрать живьём кожу, – как бы невзначай заметил Фолко.

– Я ему устрою похлеще! – грозился Торин.

– Брось! Лучше послушай, что я там запомнил...

Фолко и Малыш сидели у постели Торина, устроенной в крохотной – двое едва могли повернуться – каютке под недлинной носовой палубой «дракона».

– Хазги тоже что-то почувствовали. Их шаманы – уж точно. И, похоже, они поняли, что эта Сила – враждебная им – подвигает побеждённых на месть. Их вожак открыто сказал мне, что не собирается ждать, пока их прирежут, точно скот. Я так понимаю...

– Что они тоже могут наплевать на договор и напасть первыми, – мрачно подхватил Малыш.

– Истинно так, – кивнул Фолко. – И, скажу я вам, это пугает меня больше всего.

– Да чего ж тут пугаться? – кривясь от боли, заметил Торин. – Пусть нападают! По крайней мере, тогда Эодрейд не нарушит слова...

– Он его уже нарушил, – сурово возразил Фолко. – Нарушил, как только решил про себя: договор и клятва – лишь пустые слова! Олмер, насколько я помню, тоже с этого начинал. И тобой замеченный – хотя, конечно, я так мыслю, что никакой это не свет, а ещё какой-то сюрприз из наследства Гортаура или даже самого Мелкора, – так вот, свет сей сводит людей с ума, заставляя забыть обо всём, подталкивая их отринуть клятвы и обещания – лишь бы достичь цели. Эодрейд придумал вести войну на истребление. Я когда такое услышал, чуть второй раз со скамьи не сверзился, до подобного не додумался сам Саурон! Хазги тоже решили, что церемониться с соломенноголовыми нечего, ждать, пока те подготовят месть, незачем и нужно ударить первыми. Я не удивлюсь, если они тоже станут вырезать роханцев всех до единого... как там в предании?..

– «Кто дорос до чеки тележной», – закончил Малыш. Лицо его стало темнее ночи.

– Именно, – кивнул хоббит. – Вот почему нам надо как можно скорее в Умбар. Это ближе к нашему загадочному Свету – надеюсь, там мы сможем разузнать что-то ещё.

– Если только в Умбаре уже не идёт резня, – вдруг спохватился Малыш. – Что, если тому же Скиллудру стукнуло в голову, будто остальные эльдринги спят и видят с ним покончить, и после этого он взял, да и пошёл косить правого и виноватого?

– Корни и сучья! Об этом я и не подумал, – признался хоббит. – Но тогда тем более надо торопиться. А то как бы и впрямь не успеть к самому штурму!

– Свет, Свет, Свет... – пробормотал Торин. – Вразуми меня, Дьюрин, что же это может быть?

– Не ломай себе голову, она у тебя и так не в порядке, – буркнул Малыш. – Ох, до чего ж мне это всё не нравится! С Олмером гадали – не нагадали, и теперь, вот попомните мои слова, то же самое случится! Опять будем бродить по всему Средиземью в поисках врага, а он у нас под носом окажется. Поймём, да поздно уж будет.

– Будет тебе! – остановил друга Фолко. – Про Умбар это ты правильно сказал. Думаю, заглянуть туда было бы невредно. Где там у нас Древобородово питьё?

– Во имя Махала, что ты хочешь делать? – разом воскликнули Торин и Малыш.

– Ты ж в Умбаре никогда не был! – добавил Строри.

– Ну и что?

– Как «ну и что»? – возмутился Малыш. – Нужно ж знать, что хочешь увидеть, – если в учёных трактатах правда написана! То есть надо тебе представить либо умбарскую гавань, либо саму крепость... О таком я, по крайней мере, читал.

– Не знаю, может, ничего и не получится, – признался хоббит. – Но попытаться стоит. Что мы теряем?

– Ну, если ты увидишь одно, решишь, что так и есть на самом деле, а потом окажется, что всё совсем не так, – проворчал Торин.

– Вот и сравним, как до Умбара доплывём.

Гномы только пожали плечами.

Фолко достал из заплечного мешка тщательно обвёрнутый одеялом каменный кувшин. Всю дорогу он лишь немилосердно оттягивал хоббиту плечи. Пришла пора доказать, что его таскают с собой не зря.

От первого же глотка по телу разлилось приятное обволакивающее тепло, будто от крепкого вина, только не было в питье Древоборода ни капли винного дурмана. Хоббит зажмурил глаза и сосредоточился. Ему предстояло, подобно птице, промчаться над морскими просторами к огромной умбарской бухте, к жёлтым и серым скалам, что будто челюсти сдавили узкое горло пролива, к высоким бастионам, испокон веку защищавшим крепость от ударов с моря; ему предстояло пройти воздушными путями и увидеть правду!

Прорыв к далековидению удался хоббиту на удивление легко и быстро. Взор его послушно устремился вдаль, в один миг покрыв громадное расстояние. Открылись очертания умбарского берега.

Море дошло здесь до двух старых сходящихся горных кряжей. Глубокая долина стала бухтой, а склоны гор – берегами. Трудно было придумать лучшую защиту от бурь и штормов.

Сейчас в Умбаре стояло множество кораблей – и гребных и парусных. Больше всего, конечно же, «драконов» Морского народа, захватившего Умбар после краха Гондорского королевства. Умбарские корсары, некогда попортившие королям Минас-Тирита немало крови и давшие начало морскому племени, могли спать спокойно – они были отомщены. Правда, на Умбар издавна зарился богатый и многолюдный Харад, но на сей раз верным сподвижникам Саурона изрядно натянули нос. С суши крепость казалась неприступной, и харадские правители, похоже, смирились с потерей.

С высоты птичьего полёта хоббит видел суетливую жизнь на улицах города. Он разительно не походил ни на Аннуминас, ни тем более на Минас-Тирит. Глинобитные жёлтые дома в два и три этажа смотрели на улицы глухими стенами – окна выходили во внутренние дворики. О мостовых и речи не было, пыль едва не закрывала солнце. По улицам медленно двигались караваны, цепочки странных животных – кто с двумя горбами, кто с одним, – отдалённо похожих на лошадей, только побольше. Полнились народом рынки. Словом, всё было спокойно.

Видение прервалось, как всегда, неожиданно.

После рассказа хоббита гномы лишь пожали плечами.

– В Умбар приплывём – поглядим, что тут тебе наprivиделось, – ворчал Строри.

ИЮНЬ, 20, БЕРЕГ МОРЯ В ДВУХ ЛИГАХ СЕВЕРНЕЕ УСТЬЯ ГВАТХЛО, ПРИ ВПАДЕНИИ СЕРОГО РУЧЬЯ

В тот день улов оказался совсем никудышным. Немолодой рыбак, в одних холщовых, закатанных до колен штанах, брёл по тропе к хижине. На спине он нёс плетёную корзину с рыбой – той было почти вдвое меньше обычного.

Тропа поднималась на зелёный откос и ныряла в укромную, заросшую ивняком ложбину. На её склоне стояла избушка, кривовато, но прочно срубленная из нетолстых брёвен – таких, чтобы мог поднять один человек. Залаял кудлатый пёс, бросаясь в ноги хозяину.

– Привет, Сан, привет. – Рыбак потрепал собаку по загривку. – Сейчас поедем. Сегодня еда будет, а завтра придётся поголодать. Как, потерпим?

Пёс умильно вилял хвостом – завтрашний день для него не существовал.

Человек принялся за разделку улова, однако не управился и с третьей, когда дверь заскрипела.

– Трудисься, Серый? – властно произнёс гость. Был он низок, с заметным животом и красноватым лицом, облачённый, однако, несмотря на важный вид, в весьма затрапезную одежду. За спиной висела большая плетёная корзина на ремнях. – Это правильно, молодец, жупан будет доволен. Вот только, – он быстро окинул опытным взглядом горку разделанной рыбы, – маловат улов-то!

– Что делать... – рыбак вяло пожал плечами, – сколь выловилось... Ты что же, всё сейчас и заберёшь, Миллог?

Они говорили на языке ховраров. Для низенького сборщика это наречие явно было родным, рыбак же по имени Серый изъяснялся с некоторым трудом.

– Ну что же я, злодей, что ли? – возмутился тот, кого назвали Миллогом. – Работник тогда работает, когда есть что жрать. – Он быстро отодвинул в сторону пяток рыбёшек поплоче. – Это тебе и псу твоему.

– Спасибо досточтимому, – равнодушно поклонился рыбак.

Миллог сноровисто смахнул оставшуюся добычу себе в корзину, однако уходить не спешил.

– Эх, Серый ты, Серый... Как дураком был, так, прости меня, и остался. Уж десять лет, как нашли тебя в дюнах голого – только и мог бормотать что-то не по-нашему! – а ты всё не поумнел. Едва-едва урок исполняешь! Кабы не я, отведал бы ты плетей нашего жупана...

– Спасибо тебе, Миллог, – вяло шевельнулись губы Серого. – Я знаю, ты меня защищаешь...

На лице толстяка появилось нечто похожее на сочувствие.

– Давно я тебе толкую – смени ты ремесло! Хоть в дроворубы подайся или углежог. Лес стоит – вали не хочу. А тут будет ли добыча, нет – урок плати. И сколько можно бобылём сидеть? Бабу тебе нужно, а то живёшь – чисто зверь лесной. Хочешь, подыщу? Баб сейчас безмужних – что мурашей в куче. Сколько мужиков полегло... Скажи спасибо, тебя в ополчение не поставили!

Серый стоял и покорно слушал, упершись натруженными руками в стол, блестящий от рыбьей чешуи. Голова его склонилась на грудь.

– Куда ж мне в ополчение... – глухо проговорил он. – Я и меча-то держать не умею...

– Да уж! – Толстяк презрительно фыркнул. – Помню я, как тебе его дали...

– Что уж вспоминать...

– Ну ладно. Мне пора уже, чтобы рыба не стухла. Как насчёт бабы, а, Серый?

– Стар я для этого, Миллог.

– Стар, стар... Я вот за десять лет постарел, а ты, по-моему, ничуть не изменился. Да! И ещё! Ты слышал: хазги тут в Тарне схлестнулись с какими-то роханскими шишками? Шхакара убили...

– Шхакара? – Серый поднял руку к наморщенному лбу.

– Ну да! Проткнули насквозь, представляешь? И ещё то ли троих убили, то ли пятерых... А сами заговорённые, стрелы от них отскакивают...

Тусклые глаза Серого внезапно блеснули, но лишь на краткий миг.

– Стрелы отскакивают... Хазгские? Байки ты изволишь рассказывать, досточтимый...

– Да нет же, говорю тебе! Трое этих было. Два гнома и ещё один какой-то недомерок...

– Недомерок в роханском войске? Ты же говорил, они все очень высокие...

– Дурак! Он не роханец, понял? С Севера он. Таких половинчиками кличут. В третий год нашей земли они хеггов Гистадиса да орков Грахура порубили почитай что до единого. Помнишь, я тебе рассказывал?

Серый молча кивнул.

– А теперь один такой здесь объявился, – разглагольствовал сборщик. – И зачем только притащился? Все ж знают, они роханскому правителю, Эодрейду, чтоб ему на ровном месте шлёпнуться, служат! Ну, Шхакар, понятно, и полыхнул. Надо ж так, с Вождём Великим, Эарнилом, столько войн прошёл, Аннуминас брал, город другой – эльфийский, что под землю провалился, – целым остался, а тут погиб!

– Шхакар погиб... – пробормотал Серый. – Шхакар... Шхакар...

– Болтал он тут в последнее время много ерунды какой-то. Будто видит огонь за горами, свет нездешний, что вот-вот прольётся, и враги наши тогда на нас снова войной пойдут несправедливой и всех до единого перережут... Чушь, да и только. Верно, к старости из ума совсем выжил.

Рыбак молчал.

– Ладно, заболтался я тут с тобой. – Кряхтя, Миллог подхватил корзину. – Эй, ну чего стоишь? Помогай! Я сам, что ли, на коня это вьючить должен?..

Сборщик уехал. Рыбак по имени Серый некоторое время смотрел ему вслед, а затем, ссутулившись, поплёлся на берег. Сети там сушатся, посмотреть бы надо – не прорвались ли где...

– Шхакар... – точно заведённый, шептал он, шагая к морю по проторённой за десятилетие тропинке. – Ну да, помню его! Точно, помню! Хазг... Старый такой, седой, на шее шрам... Проклятье! Но я же его здесь ни разу не видел! Так откуда ж мне знать?

Пёс трусил рядом, озабоченно поглядывал на хозяина и рад был бы помочь, да вот только не знал чем...

Серый жил в этих краях уже почти десять лет. Память так и не вернулась к нему, однако обузой приютившим его он не стал – научился ловить рыбу, кое-как справляться с неводами да немудрёным бобыльим хозяйством. Когда его нашли, он не помнил ничего, совсем ничего – ни имени, ни возраста. На вид ему можно было дать лет сорок; волосы стали совершенно седыми, приобретя грязно-пепельный цвет. Правда, за прошедшие годы он и впрямь изменился мало, и, поскольку в деревне ховраров Серый появлялся редко, это как-то сразу бросалось в глаза. Телом он казался воином из воинов; ховрарский жупан-князь обрадовался было, решив, что попавший к нему в руки человек явно из Морского народа, а значит – добрый ратник, да и парней научить сможет. Однако выяснилось, что меча держать Серый вообще не умеет. Если и был когда-то воином – всего умения лишился. Жупан плюнул, велел всыпать найденному дюжину плетей для острастки и гнать на все четыре стороны или, если тот хочет, оставить, но нарядить на работу...

Серый вышел на песок. Лениво катил прибор; море было спокойным и ровным; казалось, никогда не случается на нём ни бурь, ни ураганов. Заученными, вялыми движениями Серый принялся за работу, не переставая бормотать про себя имя убитого хазга.

Внезапно рыбак остановился. Прижал левую руку к сердцу и замер. Пёс тревожно встрепенулся, вскочил, наострил уши, вопросительно глядя на хозяина.

– Болит что-то... вот здесь, – негромко пожаловался собаке человек, схватившись за грудь. – Болит сильно... И жжёт, будто там огонь развели...

Пёс тревожно заскулил. Прыгнул к Серому, лизнул в лицо – и во весь опор ринулся прочь, точно преследуя ускользящую добычу. Рыбак оторопело глядел ему вслед.

Но боль, как видно, не отступала, напротив, становилась сильнее. Серый сполз на песок, по-прежнему прижимая ладонь к сердцу. Он застонал – тихо, сдавленно, сквозь зубы.

– Жжёт... – вырвалось сквозь сжатые губы.

Небо темнело, с разных сторон наплывали тучи – громадные небесные поля, на которых, как верили хегги, боги сеют хлеб, а дождь идёт, когда боги поливают всходы...

Серый напрягся, застонал уже в голос, встал. Шатаясь, подошёл к самой воде.

– Я проклинаю тебя! – выкрикнул он, грозя кулаком необозримому и необорному простору. – Это ты мучаешь меня, я знаю! Но больше я не доставлю тебе этой радости! Зови своих рыб и раков, я больше не могу, я весь горю изнутри!

С этими словами он ринулся прямо в волны. Миг – и вода накрыла его с головой.

Послышался звонкий, залиvistый лай. Миг спустя на берег вылетел пёс, а за ним, отдуваясь и бранясь на чём свет стоит, подлетая в седле, скакал толстяк Миллог. Пёс и всадник замерли, глядя на чёткую цепочку свежих следов, что вела прямо в океан...

Враз поникнув, собака села у воды, задрала морду и завывала.

– Утопился никак... – прошептал толстый сборщик податей. Лицо его побелело. – Боги превеликие, я же последний, кто с самоубийцей говорил! – Его затрясло. – Спасибо, спасибо тебе, пёсик... – Дрожащими руками Миллог бросил псу кусок вяленого мяса, но тот даже не повернул головы. – Так бы не узнал и сгинул бы... лихоманка бы одолела, трясучая да костоломка... А теперь, ежели вдруг тело на берег выбросит... а я его закопаю... беда стороной и обойдёт. Ну же, пёсик, давай, давай, нам теперь хозяина твоего искать... Ты уж прости меня, дурака, спасти ведь ты меня хотел, умница, до конца дней твоих тебя кормить буду и никакой работой донимать не стану...

Пёс, словно поняв, что ему говорят, внезапно перестал выть, вскочил и побежал вдоль берега. Пыхтя, толстяк повернул коня и поскакал следом.

ИЮЛЬ, 12, РЕЙД УМБАРА

Южное солнце припекало. Здесь, на границах Великого Харада, было куда жарче, чем в Гондоре, где горы и Андуин Великий всё же защищали земли от засухи. Фарнаку пришлось повозиться, подбирая для своих гостей подходящее облачение.

– В доспехах тут ходить хоть и тяжело, но снимать их я вам всё же не советую. Всякое бывает... А в полдень на улицу лучше и вовсе не высовываться. Жизнь тут в основном по утрам да вечерам, а в жару все прячутся, – наставлял друзей старый тан.

Гномам и впрямь пришлось нелегко под яростными лучами светила, а вот Эовин – хоть бы что. Лицо и руки девушки тотчас покрылись густым загаром; быстро она освоилась на «драконе», бородатые морские скитальцы, что ни вечер, требовали её песен, позабросив на время собственные кровожадные баллады. И Эовин послушно пела, встав на носу, заложив руки за спину и смешно, точно галчонок, вытянув от усердия шею. Однако никто и не думал смеяться, потому что пела она действительно хорошо, от сердца. Отчаянные рубаки Фарнака

звучно колотили рукоятками мечей по закреплённым с внутренней стороны бортов щитам в знак одобрения.

И вот настал день, когда из воды поднялись крутые обрывы окружавших Умбар скалистых гор. Впереди замаячило узкое горло пролива. «Драконы» сбавили ход, убирая паруса.

– Эгей! Шевелись, вы, там! Всех к Морскому Отцу вас бы отправил, да где лучше взять! Гондорские сухопёры и то бойчее бы справились! – по привычке распекал своих людей десятник, чьи молодцы спускали на воду ходкую восьмивёсельную лодку.

– Зачем это, почтенный Фарнак? – осведомился хоббит, стоя рядом с таном на носовой палубе «дракона».

– Как «зачем»? А вон за нами видишь – плывут? Это Старх, если глаза меня не подводят. Надо у причалов место захватить, а то будем посреди гавани болтаться, пока кто-то не уплывёт...

Фолко обернулся. Быстро догоняя «дракон» Хьярриди, с запада ходко шёл длинный и узкий корабль. Очевидно, его кормщик хорошо знал извилистый и узкий фарватер, потому что скорости новоприбывший не сбавлял, напротив – помогал свежему, надувающему парус ветру всеми до единого вёслами.

– Старх, Старх, как есть Старх, – проворчал Фарвак. – Не к лицу нам отставать! Эй, молодцы, заснули там, что ли? Сейчас-то он нас не обойдёт, по бокам тут – сплошные камни. Но вот в порту лодку всё равно спустит – там возле причалов не разбежишься; тогда-то силами и померяемся! А пока будем плестись...

Так и случилось. Корабль Старха приблизился вплотную к «дракону» Фарнака. Фолко видел, как там тоже спускают лодку.

– Вот и доплыли, – заметил Фарнак, обращаясь к стоявшему рядом хоббиту. Едва шевеля вёслами, «дракон» втягивался в узкий проход, что вёл к просторной умбарской бухте. Она могла бы вместить в себя тысячи и тысячи кораблей: глубокая, прекрасно защищённая от ветров – лучшей стоянки для флота и вообразить невозможно. С севера и юга бухту охватывали горы. На вершинах хоббит разглядел сторожевые башни; седловины перегораживали крепостные стены.

– Это чтобы с моря не напали, – пояснил тан.

Сама крепость поднималась прямо из зеленоватых вод бухты. Серые стены с чёрными арками причальных тоннелей, в которых швартовались корабли, вырастали прямо из волн.

– Если бы врагу удалось захватить северный и южный хребты, со стороны бухты они всё равно не смогли бы атаковать. Эти арки закрываются воротами – и всё! Впрочем, на моей памяти они ещё ни разу не закрывались. И видишь, понастроили плотов, потому что в тоннелях места хватает не всем...

Дощатые настилы временных причалов гнулись под тяжестью сотен и сотен людей, вьючных животных и тюков с грузом. В отдалении разгружались баржи с лесом.

– С деревьями в окрестностях плохо. Всё давно вырубил, а новое когда ещё вырастет! Приходится из-за трёх морей возить...

Едва флагманский корабль эскадры Фарнака миновал горло залива, вперёд тотчас ушла восьмивёсельная лодка – искать свободное место у причалов, и теперь кормчий всматривался в густое месиво судов, плотов, шлюпок и прочей плавучей мелочи, выискивая свой флаг.

– Мой тан! Вон они, по левому борту! – крикнул дозорный с мачты.

Фарнак скомандовал поворот.

Но свободное место заметили и с лодки Старха. На соперничающем «драконе» раздались азартные вопли. Команда Фарнака тоже тянула шеи, норовя рассмотреть происходящее. Сидевшие на противоположном борту гребцы сыпали проклятиями и требовали, чтобы им, во имя Морского Отца, ответили, кто впереди.

Эовин, войдя в раж, визжала так, что слышно было на другом конце гавани.

Сами «драконы» почти остановились. Впереди кишмя кишели мелкие судёнышки, лодки и лодчонки, а среди них, ловко лавируя и лишь в последний момент избегая столкновений, неслись две шлюпки – Фарнака и Старха.

– Тут ему с моими молодцами не тягаться, – не без самодовольства заметил Фарнак. – На хвосте привезут...

Лодка Старха сперва вырвалась чуть вперед; парни Фарнака, как пришитые, шли следом. Рулевому на лодке Старха пришлось лавировать, расходясь со встречными и поперечными; и, улучив момент, его соперник резко подрезал нос едва не перевернувшемуся судёнышку и оказался впереди.

Эльдринги Фарнака заорали и заулюлюкали.

Место у причала досталось им.

– То-то Старх теперь злится будет, – весело заметил Фарнак. – Тут у нас не принято оставаться вторым... Ну да ничего, впредь умней будет. Попросил бы борт о борт встать – так ведь нет, ему гоняться захотелось...

Корабли Фарнака и Хьярриди ошвартовались. И тут на носу своего «дракона» появился сам Старх – плотно сбитый, в щегольском открытом шлеме с длинным плюмажем из перьев неведомой птицы.

– Я припомню тебе это, Фарнак, акуля сыть! – заорал он, грозя кулаком. – Погоди, акуля сыть, мы ещё встретимся тут где-нибудь!

– Да с превеликим удовольствием, – отозвался Фарнак и на последовавшие негодующие крики отвечал лишь презрительным пожатием плеч.

Помощники Фарнака взялись за разгрузку.

– Ну и нам теперь тоже пора. – Торин всё ещё носил повязку, но чувствовал себя прелюбопытно. – Фолко! Как там твоя девчонка, готова? Пойдём в город...

– Погодите, мы с Хьярриди тоже идём. – Фарнак появился на палубе, набросив на плечи лёгкий плащ. – Вы куда теперь направляетесь?

Фолко пожал плечами:

– Мы хотели бы остановиться где-то на несколько дней, осмотреться... Потом решили б, что делать дальше. Тут ведь есть какие-то постоянные дворы?

– Постоялых дворов тут немало, но им бы я не слишком доверял, – обронил Фарнак, когда они приблизились к тёмному проёму арки. – Лучше всего возвращаться вечером на корабль. Мало ли что?

– А что «что»? – жадно спросил Малыш.

– Гостиницы все здесь – для харадримов и иже с ними, – пояснил тан. – И хозяева-то по большей части тоже из Харада. А с ними ухо надо остро держать. Горячие головы предлагали всех незельдрингского рода из города изгнать – да только куда там! Нам теперь воевать особо не с кем, на одной торговле и держимся. Тот же Харад – ему почти всё и сбываем. Ссориться с ним нельзя... – Фарнак вздохнул. – Никогда особо набегать не жаловал, а теперь даже жалеть начал, что нельзя, как встарь, по-простому... Врагов-то, глянь, и не осталось. Вот разве что истерлинги в Арноре... Так до них на «драконах» не больно-то и доберёшься. Скиллудр уж на что силён, а только и он отступил. Но хватит об этом. Как вы посольство-то своё намерены справлять?

– Поговорим с теми танами, которых ты нам укажешь, почтенный Фарнак, – пожал плечами Торин. – Нам тут сложных узлов не плести. Воинов нанять – и дело с концом.

– Я в порту видел флаги... – начал Фарнак, перечисляя имена и боевую силу тех танов, с которыми, по его словам, «можно хоть на Аннуминас». Торин слушал внимательно; Малыш, как всегда, вертел головой, озираясь, – подобное его не занимало; Фолко же больше приглядывался к городу.

Пыльные улицы; глухие стены домов; вонь, резкие запахи чего-то гниющего; вопли и крики зазывал из лавок; и беспощадное солнце над головой. Хоббит заметил, что эльдрингов отнюдь не так уж много на улицах. Темнокожие харадримы, смуглые кхандцы, другие – чёрные как смоль, с пухлыми губами и короткими курчавыми волосами, каких Фолко ещё никогда не видел. Большинство носило широкие накидки самых причудливых расцветок, преимущественно ярких; на головах мелькали уборы диковинного вида – нечто вроде накрученной простыни. Чернокожие же щеголяли в одних набедренных повязках. Оружия никто не носил – никто, кроме эльдрингов.

В Умбаре было жарко. Жарко и пыльно. Но – замечал Фолко – встречные прохожие как-то странно напряжены, озлоблены, готовы вот-вот затеять драку. Хоббит видел искры тревоги, скрытого нетерпения – Умбар набухал гневом, сам не зная, на кого обратить силу и ярость. Совсем не так, по мысли Фолко, должен был выглядеть разудалый приморский город, столица шумливого Морского народа! Сейчас он казался крепостью накануне жестокой осады, но при том никто не знал, от какого противника надо её защищать.

– Если всё будет хорошо, обернёмся за несколько дней, – уронил Фарнак, когда они впятером входили в широкие двери какой-то таверны. – Дело за малым – отыскать всех, кого надо. Начнём прямо сейчас.

Громадный полутёмный зал, раза в три больше знаменитого «Гарцующего Пони». Поперёк стояли длинные общие столы. Свет просачивался через узкие окна, что смотрели во внутренний двор. Фолко ожидал увидеть орущую и горланящую толпу, однако заведение встретило неожиданной тишиной. Почти все места за длинными столами пустовали, у двери, ведущей на кухню, скучало несколько темнокожих харадримов-слуг.

– Здесь собираются только таны и приглашённые ими, – заметил Фарнак, видя недоумение хоббита и гномов. – Мест должно хватить всем, сколько бы гостей ни явилось. Тут обсуждаются общие дела и заключаются союзы. Если на то будет воля Морского Отца, здесь вы найдёте недостающие мечи.

– Эгей, Фарнак! – гаркнул один из гостей, что сидел в окружении троих молодцов – не понять, то ли спутников, то ли телохранителей, во всяком случае, вооружены они были с ног до головы. – Давненько не виделись!

– Привет, Вингетор. – Фарнак кивнул. – Как твой поход на Юг?

– Прескверно, дорогой друг, прескверно!

– Ну, не преувеличивай! – засмеялся Фарнак, направляясь к собеседнику. – Думаю, твое «прескверно» означает лишь, что вместо пяти барж с добычей ты привёл в Умбар только четыре.

– Увы, дорогой друг, мне теперь не до шуток! Садись ближе, почтенный Фарнак, и твои уважаемые гости тоже. Эй, вы, там, у плиты! Подать пива, холодного пива, нашего ячменного пива, а не вашего прокисшего молока больной верблюдицы!.. Рассаживайтесь, рассаживайтесь, прошу вас!

– Ты, Вингетор, был всегда очень вежлив, – заметил Фарнак, устраиваясь поудобнее. – А теперь представь мне своих гостей, я представлю своих, и начнём!

– А! – махнул рукой Вингетор. – Это мои десятники. Хлифьянди, Освальд, Бралдо и Бакар. Ребята что надо!

Воины Вингетора отличались друг от друга словно день и ночь, словно утро и вечер. Бралдо был чернокожим, громадного роста, Бакар – тонким, желтолицым, узкоглазым, Освальд – светловолосым, с крупными чертами лица и голубыми холодными глазами, Хлифьянди же и именем, и обликом походил на Хьярриди; он тотчас же во все глаза уставился на притихшую Эовин, что старалась держаться поближе к Фолко.

Сам же Вингетор оказался изящным, невысокого роста, суховатым, жилистым человеком лет сорока пяти, с острым, точно клин, подбородком. По щекам разбегались лучи мел-

ких морщин. Под кустистыми выцветшими бровями прятались пронзительные серые глаза. Он совсем не походил на сурового морского волка, скорее на арнорского придворного времён последнего наместничества. Перед ним на столе лежало странное оружие, длинное и широкое – в полторы ладони лезвие, слегка загнутое наподобие хазгской сабли, насаженное на рукоять длиной в полтора локтя, которое заканчивалось острым копейным наверху. Средняя часть рукоятки была окована железом. Морские удалцы таким не пользовались, хотя сходное хоббиту случалось видеть в Аннуминасе – ещё до его падения...

– Хьярриди ты знаешь.

– Поздравляю, парень! Скоро таном станешь. Нас, стариков, за пояс заткнёшь...

– А это мои давние друзья – мастер Фолко, сын Хэмфаста, мастер Торин, сын Дарта, и Стори, сын Балина. Они с Севера.

Вингетор покивал. Его цепкие глаза быстро оглядели друзей.

– Гномы! Вот уж не ожидал... Добро пожаловать, добро пожаловать!

Фолко счёл за лучшее не поправлять тана. Пусть думает, что он, Фолко, того же рода, что и два его друга.

– Их спутница Эовин, воительница Рохана, – без тени усмешки, очень серьёзно и уважительно отрекомендовал Фарнак девушку. Та слегка покраснела, но лёгкий поклон Вингетору отвесила с истинно царским достоинством.

– Неужто преславный Рохан настолько оскудел мужчинами, что посылает в опасные странствия юных воительниц! – воскликнул Вингетор, уставившись на Эовин так, словно она только миг назад возникла перед ним прямо из воздуха, – пока гость не был представлен, обращать на него внимание у эльдринов считалось верхом непочтительности.

– Ты нам о своём походе расскажи, – напомнил Фарнак.

– О! Давно уже у меня такого не бывало. Мы прошли за полуденный рубеж Харада, за Хлавийские горы. Сделали остановку – ты знаешь, там хорошие бухты, всегда можно перевести дух, – и что же? Оказывается, в окрестностях завелись какие-то двуногие любители человечины. Мы их отогнали, но это стоило пятерых лучших разведчиков. Потом встретились пальмовые рощи, отравленные какой-то дрянью, хорошо ещё, что она валила человека сразу, – ещё десяток погибших.

– погоди! – встревожился Фарнак. – Рощи отравлены?!

– Ну да! Плоды стали ядовитыми, словно змея-молния. Пошли дальше. Миновали Каменку и собрались остановиться в Нардозе, порасспрашивать, что слышно в дальнем Захарадье, и что же мы видим на месте города?

Вингетор сделал эффектную паузу, свойственную лишь высокородному вельможе на заседании Государственного совета, и Фолко окончательно уверовал, что этот человек оказался в рядах Морского народа лишь по особой прихоти всемогущей судьбы. Рассказчик говорил на всеобщем хорошо, но со странным акцентом, немного в нос – такого хоббит не слышал даже в цитадели Олмера, где общую речь коверкали до неузнаваемости.

– И что же? – пряча улыбку, поинтересовался Фарнак, видимо, уже хорошо знавший манеры собеседника.

С лица Вингетора сбежала улыбка.

– Город сожжён, – сухо отчеканил он, и это настолько отличалось от его прежней манеры, что всем показалось, он возвестил, самое меньшее, о начале Дагор Дагоррата. – Сожжён дотла. Улицы завалены скелетами.

Фарнак побелел.

– Не может быть! – вырвалось у Хьярриди.

– Может. А в окрестностях обосновалось некое племя перьеруких. Что-нибудь слышали о таких?

Фолко сжал под столом кулаки. Вот оно! Вот!

Переглянувшись, Фарнак и Хьярриди отрицательно покачали головами.

– Самые настоящие перьерукие, уверяю я вас. Можно взглянуть, если интересно, одного такого я привёз сюда живым. Во всём люди как люди, только вот на руках, вот здесь, – он провёл по ребру ладони и дальше, к локтю и плечу, – перья растут. Правда, не у всех – только у вождей. Остальные-то просто с едва заметным костяным гребнем.

– Ну и ну! – поразились гномы.

– То-то, что ну и ну. Мы вот тоже... рты пораскрывали от такого чуда. А прежде чем закрыли, эти самые перьерукие повытаскивали из-под берега спрятанные лодки, и нам пришлось туго. Они дрались, как безумные, и ни один так и не отступил. Их челны шли борт к борту, так что я не видел воды. Мы убивали их сотнями, но всё же уступили им гавань. А сражались эти перьерукие не обычными мечами или там копьями. Нет! На древко насажена заточенная лопата, или там грабли, или вилы, как вам это понравится? И орудовали своими снастями куда как ловко.

– Постой, постой! – спохватился наконец Фарнак. – Так это что ж получается – Нардоз сожжён... а все окрестности?! Там ведь жило немало наших!

– Все погибли, старина, – негромко ответил Вингетор. В его голосе не осталось и следа прежнего веселья. Он мог со смехом говорить о собственном поражении, но в том, что касалось остальных...

– Никого не осталось, – повторил тан. – Перьерукие владеют всем берегом южнее Каменки до самых Молчаливых скал... Но слушай дальше! После боя у Нардоза я поклялся: костью лягу, но доищусь, что это за создания и откуда взялись. Поймать одного из их вождей оказалось не так уж и трудно. Мне пришлось зарезать и скормить морским зверям десятерых его спутников, прежде чем тот заговорил и мы научились понимать его язык. Его зовут Фелластр, и рассказал он очень, очень много интересного, за что мне придётся долго оправдываться перед Морским Отцом, потому что вытягивал я из перьерукого слова воистину лишь раскалёнными щипцами... – Вингетор неожиданно покачал головой.

– Да что это с тобой? – удивился Фарнак. – Ну, пытал пленного, так что же тут такого? Война, одно слово... И я пытал, было дело. Не узнаю тебя!

Вингетор с кривой ухмылкой потупился.

– Потому что этот самый Фелластр, когда мы... гм... уже достаточно с ним позабавились... сумел прокричать своим собратьям, что с ним случилось, кто мы такие, как зовут предводителя похитителей и где его, Фелластра, следует отыскивать и кому мстить.

– Как это так?! – не удержался Торин.

Вингетор мрачно взглянул на гнома:

– Я сам постоянно спрашиваю себя о том же, гном. Я подозреваю – и сильно! – что мой пленник преотлично знает всеобщий язык, только умело это скрывает. И воля у него железная. Проверяя, я громко обсуждал с Освальдом, как лучше поступить с пленным – поджарить на медленном огне, четвертовать или же по-простому утопить, – так этот гордец и бровью не повёл, словно и не о нём речь шла. Я решил – не понимает! – и успокоился. Верно, не прав был... А как своим передал... Тянули они за нами всё время. Вдоль берега на велбудах своих шли, морем – на лодках. Напасть так и не решились, но был момент, оказались совсем рядом. И он как их учуял, змея! Заверещал, заорал, точно чудо невиданное. И в воплях его я и «Умбар» слышал, и «Морской народ», и «эльдринги», и даже – «тан Вингетор». Как тебе всё это нравится?

– Мне это совсем не нравится, – сквозь зубы процедил Фарнак. – Ты был в Совете?

– Ясное дело. Дозоры усилены. Но – чуёт моё сердце! – этого мало. Надо самим на Юг идти, потому что если не мы этих перьеруких, то они нас... А уж они нас точно прикончат, если только смогут, потому что воинов у них как песчинок на берегу или звёзд на небе...

– Вингетор, Вингетор... – начал было Фарнак. – Не слышал я раньше, чтоб ты говорил, точно базарный сказочник!

– Прежде не говорил, – сухо ответил собеседник. – И сам над подобным смеялся. А теперь, видно, придётся по-иному. Потому что они и впрямь выводили на берег толпы, Фарнак, понимаешь, толпы! На десяток лиг вдоль воды стоит плотный строй – как тебе это понравится? Думаешь, Вингетор на старости лет выжил из ума и не попытался отомстить за наших? Как бы не так! Но я положил бы всех своих, если бы только попробовал пристать к берегу. Зажигательными стрелами перьерукие пользоваться умеют отлично, уверяю тебя.

Вингетор жадно припал к кружке с пивом.

– И всё же я ускользнул от них!.. И даже высадился!.. Ночью, там, где меня не ждали. Прошёл почти сорок лиг от моря. Сжёг три десятка селений. Я хотел найти их слабое место. И я его нашёл. Нашёл, понимаешь? – Он грохнул кружкой по столу.

Все замерли.

– Они боятся, – мрачно провозгласил Вингетор. – Бесчисленный, непобедимый народ – они смертельно боятся какого-то совершенно жуткого существа, обитающего где-то на востоке, возле озера Сохот.

– Возле озера Сохот? – удивился Хьярриди. – Мирные племена там всегда жили... А больше вроде дикого...

– А теперь есть. Там, где кончается хребет Скелетов и лес подступает к озеру, – там обитает некая Сила, что выгнала перьеруких из их давних владений и превратила в наших – увы! – злейших врагов. Эта Сила гонит и гонит их на Север. В скором времени они столкнутся с Харадом. Что будет тогда, страшно даже подумать, поскольку перьев на руках не имеющие для них всё равно что звери. Понимаешь меня, Фарнак? Всё равно что звери! А со зверьём не ведут переговоров, не заключают союзов и не обмениваются пленными. Или мы их, или они нас. Вот что я пытался объяснить в Совете. Но, – губы Вингетора презрительно скривились, – не преуспел. Ведь перьерукие ещё не стоят лагерем у стен Умбара. Хотя мне, конечно, поверили, особенно после того, как я показал пленника. И единственный, кто встревожился по-настоящему, – Скиллудр.

– Даже так? – Хьярриди был неприятно поражён, Фарнак изумлённо поднял бровь. Что же касается гномов и Фолко, то они пока предпочитали больше слушать. Хоббит смотрел Вингетору в рот как зачарованный, Торин и Малыш, видя внимание товарища, следовали его примеру. Потом он всё им расскажет и они обсудят это вместе.

– Именно так. Он потратил, наверное, всё своё золото. Набрал целую армаду – капитанам былого впору! – и пошёл на Юг. Один, как всегда. Пятнадцать тысяч воинов не в счёт.

– Он один поднял такой поход? – всё ещё сомневался Фарнак.

– Ну да. Я же говорю – потратил, наверное, всё, что имел.

– И что же?

– Пока вестей нет. Но! Не хотят ли мои благородные друзья самолично взглянуть на пленника? Он у меня тут рядом...

– Почтём за честь! – вырвалось у Фолко.

Так и не произнёсшие за всё время беседы ни слова, спутники Вингетора молча встали следом за своим господином.

Дом, где содержался важный пленник, оказался настоящей крепостью. В узкую чёрную щель двери пришлось протискиваться, согнувшись в три погибели. Дальше коридор шёл изгибами, и в свете тусклых масляных ламп хоббит видел частые бойницы в стыке стен и потолка. Ворваться сюда для неприятеля означало верную гибель.

Внутренний же двор, отгороженный от ведущей на улицу пещеры – иначе и не скажешь! – железной дверью и парой опускающихся решёток, поражал великолепием благоуханного сада. В кадках росли не виданные хоббитом пальмы разнообразных видов, в

искусственном ручье хищно шевелило зелёными отростками-щупальцами дерево-рыболов. Порхали пёстрые птахи, специальный слуга насыпал им корм. Освальд, шагавший первым, сделал один-единственный жест, и всю челядь тотчас же словно сдуло ветром.

– Прошу сюда. – Вингетор учтивым жестом распахнул тяжело скрипнувшую дверь. Открылась каменная, винтом уходящая вглубь лестница. Освальд взял из кольца на стене факел и двинулся первым.

– Это возвели крепко и на века, – одобрил Торин, косясь на мощную кладку стен и сводов.

– Воистину, когда Гондором правили Морские короли, то в стране умели строить! – кивнул тан.

Винтовая лестница вывела процессию в коридор, низкий и широкий, служивший главным трактом подземной тюрьмы – небольшой, но весьма крепкой и надёжной. Четверо дюжих стражников споро вскочили на ноги при виде хозяина.

– Всё спокойно, мой тан! – отрапортовал старший.

– Возьми факел, Андраст, и идём с нами.

Пленник был заперт в самой дальней камерке, не имевшей и крохотного оконца. Вингетор снял с пояса тяжёлый ключ, отпер дверь. Стражники, не дожидаясь команды, обнажили мечи.

– Вот он, полюбуйте. – Хозяин кивнул на живую добычу.

Фолко смотрел во все глаза. Сперва ему показалось, что он видит какого-то монстра, настолько удивительной оказалась разница между мощным человеческим торсом и руками-крыльями, что подошли бы размахом и одному из орлов Манве. Лишь приглядевшись, Фолко увидел, что руки у пленника – самые обычные, человеческие, правда, куда тоньше и слабосильнее, если сравнить с мускулистым торсом и прекрасно развитыми ногами. Тёмно-алые перья обрамляли руки, доходя до плеч. Могло показаться, что это всего лишь карнавальное украшение, однако перья росли прямо из кожи, как волосы или ногти у обычных людей.

Чресла перьерукого опоясывала грязная набедренная повязка. Скрестив на груди руки-крылья, гордо вскинув голову, пленник смотрел в противоположную стену, надменно игнорируя появление тюремщиков. Узкое точёное лицо, пожалуй, женщины сочли бы красивым, если бы не нос – он загибался вниз, точно клюв хищной птицы. Тонкие губы презрительно сжаты.

– Вот, полюбуйте, – указал Вингетор. – Так и стоит. Не ест, а теперь уже второй день не пьёт. Верно, решил себя уморить. Ну да это ему не удастся. Силком кормить станем!

Фелластр и бровью не повёл.

– Больно гордый. Но ничего, в прошлый раз заговорил – и теперь отмолчаться не сможет.

Фолко пристально смотрел на пленника. Сейчас бы ему очень пригодилась проникаемость Древоборода. Во взоре перьерукого хоббит – пусть смутно и неотчётливо – угадывал следы странного безумия, в чём-то схожие с теми, что читались в глазах короля Эодрейда.

Вингетор заговорил, обращаясь к пленнику, на странном, полном щёлкающих звонких звуков языке.

Перьерукий не повернул головы.

– Вот так и молчит. – Хозяин развёл руками. – Но ничего, я сегодня им сам займусь. Разговорится, будьте уверены!

– А... гм... хорошо. – Фолко с трудом оторвался от созерцания Фелластра, вспомнив, что посольство, как ни крути, править тоже надо. – А почему бы нам с почтенным Вингетором не поговорить ещё об одном деле, также очень важном, я уверен, небезвыгодном для сильногогучего тана!..

– Тогда пройдем наверх.

Они вновь оказались во внутреннем дворике.

– Эовин! – Фолко повернулся к девушке. – Тебе придется подождать здесь. Король Эодрейд отправил нас сюда с тайной миссией... и тебе нельзя слышать наши беседы.

– Возможно, мои слуги сумеют развлечь деву-воительницу из Рохана? – учтиво поклонился Вингетор, делая знак челяди. – У меня тут собраны редкие камни и цветы, еще более редкие птицы и звери...

Вежливые, даже утонченные манеры хозяина разительно отличались от грубоватого, простого обращения Фарнака и Хьярриди. Фолко не удержался от вопроса:

– Я немало имел дела с Морским народом, но...

– Но никогда не встречал похожих на меня, так? – рассмеялся Вингетор. – Справедливо! Потому что я родом из Гондора. Семья моя долго жила в Минас-Тирите – как заложники корсаров Умбара еще до Войны за Кольцо. Наша кровь смешана с гондорской, и я сам провел там немало времени... А когда пришел час, вновь стал тем, кем и должен был, – морским таном, предводителем свободной дружины...

Фолко учтиво поклонился, благодаря любезного хозяина за откровенность. Сами же переговоры заняли немного времени.

– Можешь не продолжать. – Вингетор поднял ладонь, даже не взглянув на верительные грамоты короля Эодрейда. – Я и так отлично знаю, с кем меня свел Морской Отец. Ваши имена, друзья, – вы ведь позволите так вас называть? – известны далеко за пределами Арнора и Гондора. Подробности войны за восстановление Рохана долго обсуждались среди морских танов. И ваши имена назывались не единожды. Я верю вам без всяких грамот и, раз Эодрейд предлагает такую щедрую плату, без колебаний подпишу с вами ряд. Я бы также посоветовал вам поговорить с Амлоди и Гротти. Это бывалые воины. Кстати, оба сейчас здесь. У каждого по пять сотен мечей. Я так думаю, что из-за перьяруких нам надо позаботиться о более надежном, чем Умбар, убежище на Севере... С этими безумными южанами воевать всё равно придется, а мудрый должен иметь куда отступить в случае неудачи...

– Ну вот, наше посольство, считай, и выправлено, – заметил Торин друзьям, когда они устроились на постоялом дворе. Эовин уже спала без задних ног, а Фолко и гномы сидели в соседней комнатенке, расправляясь с копченой курицей. – Считайте сами. Фарнак – семьсот мечей, Сваран – триста, Ория – тысяча, Хьярриди – двести, Вингетор – шестьсот, это уже две тысячи восемьсот; если завтра согласятся Амлоди и Гротти, будет уже три восемьсот. Останется найти еще одного, и... и всё!

– А мы так ничего и не выяснили, – пробурчал Малыш.

– Потому что еще и не выясняли, – парировал Фолко. – Вот если завтра всё закончим, тогда...

– Что «тогда»? Ты хоть знаешь, что искать? – вскипел Маленький Гном. – Человека, эльфа, гнома, орка? Место, предмет, явление? Что? Ты нам можешь растолковать?

Хоббит медленно покачал головой:

– После Олмера я привык верить своим страхам, Малыш. А мне сейчас страшно. И становится еще страшнее оттого, что я не знаю – чего же именно бояться?

Строри скорчил недовольную гримасу и отправил в рот целую куриную ногу.

– Мне надо походить... посмотреть... подумать... – продолжал хоббит.

– А твои амулеты-талисманы, они-то что? – не унимался Малыш.

– Это ж тебе не масляная лампа! Огонь поднес – вспыхнула и светит! Тут одного желанья маловато. Да и вообще – ты что же думаешь, мне очень нравится сидеть здесь, в Умбаре?! Думаешь, я не хочу отсюда выбраться? Сделаю всё, что смогу! – Фолко даже стукнул кулаком по столу.

ИЮЛЬ, 13, УМБАР

Наутро явился посыльный Фарнака. Его люди уже отыскивали Амлоди, Гротти и ещё одного тана, Фридлейва, которого хорошо знал сам Фарнак. Надо было идти на встречу, завершая наём флота.

– Эовин! – Маленький Гном громко затарабанил в дверь. – Вставай, лежебока!..

Утро в Умбаре – это нечто восхитительное. Мягкий морской ветер, бирюзовое небо, тепло, но отнюдь не жарко. На улицах столпотворение, люди спешат свершить свои дела до наступления полуденной жары...

Фолко и его спутники не миновали и двух кварталов, как к ним прицепился какой-то толстый низенький темнокожий харадрим. На хоббита и остальных обрушился целый водопад стремительной речи. Харадрим яростно жестикулировал, закатывал глаза, хлопал себя по щекам, пытаясь что-то втолковать. Приставленный Фарнаком эльдлинг попытался просто отпихнуть наглеца, однако тот мгновенно выудил из складок бесформенного серого балахона начищенную, ярко блестящую золотом пластинку, густо испещрённую какими-то знаками. Воин Фарнака склонился над ней, а когда миг спустя вновь распрямился, лицо его выражало крайнюю степень ярости. Морской удалец сдерживался из последних сил.

– Этот вонючий выползок, родившийся лишь по недосмотру Морского Отца, – главный поставщик рабынь и наложниц ко двору Его Величества правителя Харада, – сдавленным от бешенства голосом проговорил воин. – У него... как это... пайцза Харада.

– Ну и что? – Малыш надменно подбоченился и положил руку на эфес так, чтобы все это видели. Маленький Гном был явно не прочь подраться.

– А то... что этот пожиратель падали очень просит вас... гм... – глаза воина сверкнули, – одним словом, он хочет купить воительницу Эовин!

Хлоп! Кулак Малыша врезался в подбородок харадрима прежде, чем кто-то успел сказать хотя бы слово. Работорговец подлетел вверх и опрокинулся на спину, смешно задрав ноги в вычурных дорогих сандалиях. Он плюхнулся на мостовую, словно куль с дерьмом, и уже не шевелился.

– Малыш! – рявкнул Торин.

– Живой он. – Фолко коснулся горла харадрима. – Вот только зубов поубавилось... и притом сильно...

Толстяк валялся без чувств.

– Я ж не хотел вовсе... – оправдывался Малыш в ответ на упрёки Торина. – Само собой вышло...

– Подождать не мог? Мы б его потом и вовсе прирезали!

– А почему это он должен был ждать? – возмутилась Эовин. – Разве можно ждать, когда оскорбляют воительницу Рохана?! Спасибо тебе, почтенный Строри!

И она, внезапно обняв зардевшегося гнома, крепко поцеловала его – прямо в губы.

Эльдлинг откупорил висевшую на поясе флягу и плеснул водой на лицо харадрима. Тот застонал и приподнялся. Воин Фарнака бросил несколько злых коротких фраз на языке Южных земель.

На окровавленном лице работорговца появилась злобная усмешка. Он вновь поднял свою пайцзу и что-то визгливо выкрикнул. Вокруг них уже собиралась толпа – исключительно харадримы.

– К мечу, – коротко предупредил спутников эльдлинг. – Обнажите оружие, эти псы должны струсить...

Миг спустя перед остолбеневшими харадримами взвихрилась сталь – Маленький Гном не упускал случая показать свой знаменитый веер. Темнокожие в замешательстве отступили.

Толстяк, охая, поднялся с земли, бросил своим несколько коротких фраз и, не оглядываясь, заковылял прочь, прижимая полу балахона к расквашенной морде.

– Идёмте отсюда! – Проводник был мрачен. – Теперь хлопот не оберёшься... Они наверняка нажалуются в Совет... А там подобные этому псу с пайцзой – ну ровно как у себя дома...

– Ну и что? – пожал плечами Фолко. – Он же первый начал!

– Первый, первый... Он чего хотел – женщину купить? Так они у них за людей не считаются. Так, скот двуногий! – Воин выругался сквозь зубы. – А для харадримов в Умбаре действуют их законы... которых он не нарушил...

– Жаль, я его насквозь не проткнул, – посетовал Маленький Гном.

– Боюсь, тогда бы тебе солоно пришлось, брат гном, – покачал головой эльдринг. – Тебя изгнали бы из Умбара, самое меньшее, а то бы ещё и продали харадримам на рудники... Говорят, там даже гномы не выдерживают больше трёх месяцев.

– Что сделано, то сделано, – развёл руками Торин. – В крайнем случае заплатим этому псу. Золото у нас есть.

– Хорошо ещё, если только этим обойдётся...

Они двинулись дальше.

Притихшая Эовин шла теперь в середине, между Торином и Малышом. Впереди шагал воин Фарнака, Фолко прикрывал спину отряда. Таким порядком они и добрались до той самой таверны, где встретились с Вингетором.

Фарнак и остальные таны их уже поджидали. Проводник коротко рассказал о случившемся. Эльдринги молча переглянулись.

– Вам надо скорее уходить отсюда, – пробасил бородастый Гротти, настоящий великан семи футов росту и шириной плеч не уступавший Тору. – Да и чего ждать-то? Дело, считай, сделано. Мы согласны. Что скажете, таны?

– Я им рассказал... вкратце, – пояснил Фарнак. Остальные эльдринги дружно закивали. – Общий счёт набранному войску вышел на четыре тысячи триста воинов.

– Больше, наверное, и не надо, – заметил Фарнак. – Земли не так уж много... Если делить её на многих – худо выйдет...

– Четыре с небольшим тысячи, не мало? – усомнился Торин. – Война-то нешуточная!

– Так и мы шутить не станем! – от баса Гротти, казалось, сейчас начнут раскалываться стеклянные кубки. – Ударим не хуже хирда! Вот увидите!

– Не сомневаюсь, не сомневаюсь, – заверил Фолко разгорячившегося тана. – Если всё пройдёт, как задумано...

– Да разве ты не знаешь, что любой план только до первого боя? А потом всё надо заново придумывать? – поднял брови Фарнак.

– Знаю, знаю, – кивнул Фолко. – Но здесь случай особый. Мы рискуем проиграть, если всё не будет сделано быстро и чётко...

Когда переговоры закончились, рядные грамоты подписаны и таны отправились собирать дружины, Фолко и друзья задержались в таверне.

– Дело сделано. – Хоббит устало провёл ладонью по лбу. – Мы исполнили поручение короля. Но вот к добру или к худу обернётся для Рохана эта война, пусть даже и победоносная?

– К худу? – Эовин округлила глаза. – Как же может победа обернуться к худу?

– Тебе про это лучше вообще не думать, – хмуро заметил Торин. Ни он, ни Малыш так и не притронулись к пиву. – Как-то очень уж легко получилось всё у нас здесь, в Умбаре! И дня не прошло, а флот уже нанят.

– Да, и теперь осталось только... – начал было Малыш, однако конец фразы потонул в треске ломающегося дерева и яростных неразборчивых воплях.

Двери таверны слетели с петель. Через порог в пустой просторный зал рванулась целая толпа орущих харадримов. Кто-то размахивал коротким мечом, кто-то притащил с собой сети.

– Клянусь Дью... – Торин успел вскочить на ноги, когда на четвёрку друзей со всех сторон бросились темнокожие мечники. В их рядах мелькнула толстая физиономия торговца рабами. Челюсть у него была подвязана тряпицей.

– Ага!!! – завопил Малыш ничуть не слабее атакующих. – Ну вот наконец-то мы как следует позабавимся!

Фолко молча обнажил меч, закрыв собой остолбеневшую Эовин.

Друзей окружили в самой середине зала. Харадримы запаслись множеством арканов и веревок: ни один из них не был столь глуп, чтобы лезть под клинки врагов; сперва в ход пошли ловчие снасти.

– Прорываемся! – скомандовал Торин, вращая топор над головой. – Фолко, прикрой девочку!

Однако Эовин явно не желала, чтобы её «прикрывали». Выхватив короткую лёгкую саблю, она очертя голову ринулась вперёд, вслед за Торинем.

– Куда?!! – не своим голосом заорал Малыш – девочка едва не подвернулась ему под меч.

Торин тем временем врезался в толпу харадримов, точно кабан в стаю псов. Первый же взмах топора рассёк врага от плеча до пояса, хлынула кровь, вокруг гнома тотчас же возникла пустота. Фолко, отбив в сторону вражеский меч, прыгнул следом за Эовин, пытаясь остановить, – но поздно. Взлетели брошенные сети, и миг спустя девушка оказалась спутана по рукам и ногам. Бьющийся кокон тотчас же утянули в задние ряды харадримов.

Торин, Фолко и Малыш ринулись вдогон. Испытанным боевым порядком, плечом к плечу, ударили в самую середину вражеского строя, один из нападавших упал, пропоротый мечом хоббита, но харадримы и не думали сопротивляться. Дружно повернувшись, они ринулись наутёк. В дверях таверны тотчас возникла пробка.

– Руби!!! – взревел Торин. Весь забрызганный кровью, гном разил направо и налево. Харадримы с визгом бросались в стороны, пытаясь выбраться из западни; Фолко и гномы, сегодня не надевшие полного доспеха, тем не менее расшвыряли скопившихся перед дверьми врагов, вырвались наружу – однако толстомордого торговца и пленённой Эовин уже и след простыл.

Привлечённые шумом и криками, со всех сторон сбегались вооружённые эльдринги. Ещё миг – и вспыхнула уличная схватка. Пытавшиеся спастись бегством харадримы напярывались на частокол мечей, но оружия не бросали, бились с бешенством загнанных в угол крыс. Морских воинов было всё же немного, и кое-кому из темнокожих налётчиков удалось вырваться из кольца.

– Эгей! Почтенные, что тут случилось? – со всех сторон посыпались вопросы, когда схватка окончилась. – Что это на них нашло?..

Допрашивать оказалось некого – все, кто мог, унесли ноги, остались лишь трупы да те из раненых, кто вот-вот должен испустить дух.

– Они украли нашу спутницу! – крикнул Фолко. – Девушку с золотистыми волосами! Она из Рохана!

– Украли?! Из Рохана?! – раздалась негодующие возгласы. Толпа эльдрингов быстро росла, их собралось уже не менее трёх десятков. – К воротам! Быстрее! Перебьём этих собак!!

Под зловещий лязг стали они бежали узкими умбарскими улочками к окраине города. Мимходом Фолко подумал, что надо было бы известить Фарнака и остальных... но поздно, слишком поздно, ничего уже нельзя сделать!

Мостовые перед разъярённой толпой пустели, как по волшебству. По пути к отряду присоединялись всё новые и новые эльдринги – судя по всему, харадримов здесь не жаловали; мимоходом узнав от других, что случилось, воины выхватывали мечи и тоже бросались в погоню.

Обращённые к пустыне крепостные стены Умбара мало чем уступали бастионам Аннуминаса. Гордые и неприступные, они с молчаливым презрением глядели на сгрудившиеся у их подножия домишки. Широкие ворота были распахнуты; стражники дремали. С харадримов здесь не собирали пошлины.

Фолко и его товарищам не повезло. Как раз в это время к воротам подошёл караван, выючные животные напрочь перекрыли проход.

– Эй, с дороги, смети вас Хругнир! – Торин с топором наперевес бросился к караванщикам. Стражники оторопело уставились на разъярённого гнома, за которым валило не меньше пяти десятков вооружённых до зубов эльдрингов, все с клинками наголо.

– Что тут за бесчинства? – рявкнул выскочивший на шум десятник.

– Кто-нибудь выходил из города до этого каравана?! – выпалил Фолко, останавливая Торина, – гном, похоже, был уже готов затеять свару.

– Выходили, как не выходить! Харадримы, полтора десятка всадников. Налегке, без поклажи. Всего один тюк и был. А спешили, словно за ними сам Морской Отец гнался.

У Фолко вырвался невольный стон. Да уж, хороши же они, трое испытанных воинов, у которых из-под носа украли девчонку! Стыд-то, стыд-то какой! Да и что же теперь станется с бедняжкой Эовин?!!

Толпа эльдрингов за спинами друзей возбуждённо гудела.

– Совсем, верно, харадримы взбесились! Никогда раньше такого не случилось!

– Да, ровно обезумели... Средь бела дня напасть!

– Твари! Эх, мало их Гондор в своё время...

– Эй, почтенные, а что, собственно говоря, случилось? – Десятник встревоженно косился на собравшихся воинов.

– Девчонку украли только что, – бросил Малыш. – И, насколько я понимаю, вывезли прочь из города... Мы тут слегка повздорили...

– Да разнести всю их поганую състь! – завопил кто-то в толпе. – Больно много власти забрали! Куда ни плюнь в славном городе Умбаре – всем они владеют! А теперь и вовсе рехнулись – средь бела дня девиц похищают! Это что ж делается, эльдринги?!

– Точно!.. Правильно!.. – раздались возгласы. – Пойдём да их самих пощиплем! Пусть знают!..

Дело пахло погромом. Десятник ошарашенно переводил взгляд то на Фолко и гномов, то на разъярённую толпу.

– Стойте! – выкрикнул Фолко, вскакивая на очень кстати подвернувшуюся бочку. – Да не обезумели ли вы сами?! В чём остальные-то виноваты?! Нужно найти и покарать похитителей, а не мстить невинным! Слышите меня?!

Слова его канули, точно камни в бурное море. Вовсю сверкало выхваченное оружие; эльдринги уже никого не слушали, похоже, забыв и о том, что привело их сюда.

– Избезумились, как есть избезумились, – услышал Фолко шёпот Торина.

Человек двадцать грозно надвинулись на харадских торговцев, и кто-то уже изо всех сил ударил эфесом в лицо безоружного погонщика. Это послужило сигналом. Раздался истошный вопль «Бей!», и над головами замелькали мечи. Караванщики, не лыком шиты, мигом повывхватывали из тюков припрятанные сабли.

Десятник наконец сообразил, что на вверенном ему посту вот-вот начнётся самое настоящее сражение, и, что было сил заорав «Тревога!», кинулся разнимать сцепившихся. Фолко, Торин и Малыш поспешили ему на помощь.

Заученными движениями отбрасывая мечи опьянённых яростью людей, Фолко поневоле вспоминал полевою межу в Арноре и мирную осень, когда он, совсем ещё юный хоббит, шёл вместе с Торином и Рогволдом (эх, погиб сотник! А какой человек был...) через Арнор...

Безумие, верно, не успело ещё полностью овладеть всеми эльдрингами. Оттеснив самых рьяных, схватку удалось приостановить. Харадримы отделались несколькими ранеными.

– Пропустите нас! – крикнул хоббит рослому воину в богатой, расшитой алым и золотым накидке, явно начальственного вида. Держа в руке тонкую изогнутую саблю, расталкивая растерянных погонщиков, он пробивался к месту стычки.

– Эй, что случилось, десятник?! – гортанно выкрикнул харадрим, оказавшись перед начальником умбарской стражи. – Почему?..

Он говорил на всеобщем языке чисто, почти без акцента.

– Почему, почему! – рявкнул эльдринг. – Потому что твои собратья девчонку украли! И увезли – сразу перед тобой, Залбул! Вот наши и возмутились... Так что давай уноси ноги, пока в клочья не разорвали!

Роскошный белый плюмаж на высоком шлеме харадрима отрицательно покачался из стороны в сторону.

– Я уйду, как всегда, а «уносят ноги» только шакалы, когда видят льва. И помни, десятник, об этом бесчинстве я доложу высокому правителю Харада! Или ты не знаешь, что я, Залбул, – поставщик Двора?!

Фолко готов был поклясться, что стоящий перед ним харадрим куда больше привык водить в бой конные сотни, нежели купеческие караваны.

– Морийские Молоты, что мы тут теряем время! – завопил Малыш.

– Нам их уже не догнать, – мрачно бросил Торин. – Пони коню не соперник.

– Надо лучше следить за своими рабынями, – насмешливо заметил Залбул.

Строри вспыхнул, точно соломенный пук. И, недолго думая, вновь пустил в ход кулаки.

– Малыш!! – рявкнул Торин, еле-еле успев перехватить руку друга. – Мало нам неприятностей, ещё и бойню тут хочешь устроить?!

Эльдринги и в самом деле столпились у них за спиной, в любой момент готовые броситься на харадримов. Те успели вооружиться, но едва ли два десятка охранников с лёгкими саблями остановили бы добрую сотню испытанных бойцов, из которых половина, несмотря на жару, так и не рассталась с доспехами.

– Так-то оно лучше, – надменно бросил Залбул. Презрительно повернувшись спиной к Фолко и гномам, он неспешно зашагал прочь – наводить порядок в своём караване. Животные одно за другим потянулись через ворота прочь, к пустыне.

– Эх, беда-то какая. – Десятник почесал в затылке, когда Фолко в нескольких словах объяснил ему, что случилось. – А у нас на посту и коней-то нет для погони...

Друзья мрачно молчали, когда шли от ворот Умбара к порту – разыскивать Фарнака. Малыш сперва ругался на чём свет стоит, но потом тоже умолк. И только уже возле гавани у хоббита вырвалось:

– Ох, говорил же я вам...

– Мы её всё равно отыщем, – с угрюмой решительностью произнёс Торин. – Пойдём в Харад и отыщем. Отыщем ведь, а, Строри?

– Отыщем, отыщем... – проворчал Маленький Гном, однако без обычной бравады. – Если будет на то Махала милость...

– Когда это ты у Махала милости просил? – криво усмехнулся Торин. – Нет, если сами не справимся – никто не поможет. Мы с тобой, Строри, виноваты, мы Фолко присоветовали Эовин не гнать, значит, нам с тобой и ответ держать. И в Харад тащиться...

Против обыкновения Малыш спорить не стал. Он только кивнул.

– Фарнак поведёт флот без нас. Пошлём королю Эодрейду письмо... – начал было Торин.

– Ага, и он нас в предатели запишет... – бросил Малыш.

– Пусть. Плевать я хотел. Девчонку спасти надо, а немилость королей – ничего, как-нибудь проживём.

Фолко шагал по пыльным умбарским улочкам, и в голове даже против воли появлялись мысли не только о несчастной Эовин. Безумие, опасное и непонятное, расплзлось по Средиземью и отравляло одинаково всех – Эодрейда и Скиллудра, эльдринов и харадримов... Перьерукие, невесть откуда взявшиеся на морских побережьях... Хорошо ещё, что они, Фолко, Торин и Малыш, пока не поддались этому; и что же будет со Средиземьем, если невидимая отравка проникнет в души всех его обитателей, от северных льдов до южных златосумрачных пустынь?

И вновь, словно в приснопамятные дни погони за Олмером, погони за Кольцом Тьмы, Фолко всей грудью ощутил упрямый и злой напор чужой и страшной силы. Вражеской силы, и не важно, в какие одежды она рядится – Света ли, Тьмы...

Толкался, тревожась, в ножнах оживлённый этой силой клинок Отрины.

«Мы спасём её, – думал Фолко об Эовин. – Спасём непременно. Я уверен. Королю Эодрейду и впрямь придётся обойтись без нас...»

Мыслью он тянулся за Эовин, звал её, пытаясь отыскать среди просторов безбрежного песчаного моря крохотную живую песчинку, – но нет, сил не хватало, да и разве сосредоточишься толком, пробираясь по людным умбарским улицам?..

Фарнак сделался чёрен лицом, когда услышал о случившемся. Хьярриди долго и виртуозно сыпал проклятиями.

– Так чем мы можем помочь? Все готово к отплытию... Не высылать же армию в Харад! – мрачно проговорил старый кормчий.

– Армию не надо, – отозвался Малыш. – А вот мы – пойдём. Вы поплывёте без нас...

– Лезть одним в Харад – самоубийство! – выпалил Хьярриди. – Что вы сделаете там втроём?

– А что сделают там сто или даже тысяча? – парировал Маленький Гном. – Нет, тут, как Фродо в Мордор, – или великой силой, или уж в одиночку...

Фарнак кивнул:

– Не мне вас учить. Если решили, так тому и быть. Я поведу флот в Тарн. Там мы снесёмся с королём Эодрейдом.

Фолко с досадой ударил себя кулаком по ладони. Всё рушилось! Флот элдринов прибывает в Тарн... и тогда, быть может, Рохан всё-таки выстоит перед натиском обезумевших хазгов, хеггов, ховраров и прочих обитателей Минхириата... И кто знает, сумеет ли управиться другой командир с отрядом пеших лучников Фолко?

И ещё хоббит успел подумать, что убивать тех же несчастных хазгов – нечестно, всё равно что больных. Если бы воинская сила Морского народа помогла остановить войну!.. Если бы дело удалось решить миром!..

– Разумеется, все мы в устье Исены разом не полезем, – добавил Фарнак. – Король же должен двинуть свои войска!.. Из Тарна мы отправим к нему посыльного...

Фарнак говорил что-то ещё, но Фолко уже не слушал. Они выполнили свой долг, они наняли флот элдринов... и теперь оставалось выполнить другой – не дать королю Эдораса нарушить слово. И при этом ещё спасти Эовин! Вот нелёгкий выбор – жизнь слепо доверившейся им девчушки или королевское слово, нарушь которое – и Рохан, и Энедвэйт щедро умоются кровью. Хотя... кто знает, может, это и к лучшему – не придётся участвовать в позорном походе...

«Стыдись! – тотчас же одёрнул он себя. – Там, в Рохане, заварится кровавая каша... которую тебе – не увиливай! – должно не допустить... А Эовин... – Хоббит чувствовал стыд и боль. – Ты в ответе за неё. И от этого тоже не уйти. Так что же делать? Что выбрать?..»

– Кое-чем я всё же помочь смогу. – Фарнак тем временем заговорил уже о предстоящем друзьям пути. – Вы узнаете о Хараде всё, что знаю я сам, получите надёжного проводника – в моей дружине есть кхандцы, они испокон веку живут с Харадом бок о бок...

– Н-да, дела! – Малыш сплюнул. – Вместо того чтобы гнаться за этими негодьями, мы разводим тут умные разговоры! А из Эовин в это время... – Он осёкся. Не буди лихо, пока оно тихо, и не зови беду по имени.

«Нет, я не смогу бросить её, – с внезапным удивлением подумал Фолко. – Это выше моих сил...»

– Едва ли ей сейчас что-то грозит. – Фарнак со вздохом покачал головой. – Судя по вашему описанию, этот тип и в самом деле – известный в Умбаре работороговец. Про него давно говорили, что он поставляет наложниц дражайшему владыке Харада. Если это так, то Эовин никто и пальцем не тронет. Она должна достаться харадскому владыке в целостности и сохранности. Но вот потом...

– Говори уж, чего там потом, – махнул рукой Фолко.

– Поговаривают, что любимое развлечение у харадского владыки – варить молоденьких рабынь в масле на медленном огне, чтобы подольше кричали и мучились.

Торин разразился проклятиями. Фолко побелел. Нет, он останется здесь!..

– Весь наш поход пошёл вкривь и вкось с самого начала! Сперва я получил от того хазга, теперь пропала Эовин...

– Но в наших силах ещё всё поправить, – заметил Фолко. – Если мы отправимся сегодня к вечеру, то, быть может, перехватим их в пути...

Когда трое друзей вернулись к себе, Фолко отчего-то – сам не зная почему – потянулся к бережно хранимому питью Старого Энта. В сердце медленно вползало холодное предчувствие, неясное и смутное. Хоббит не находил себе места. Беда с Эовин? Нет, как будто не то... Будь что будет, он попытается! Надо заглянуть... назад? В Рохан? Да! Прежде, чем сделать последний, решающий выбор...

– Собирайтесь пока без меня, – глухо проговорил Фолко. Торин внимательно взглянул ему в лицо и быстро, отрывисто кивнул.

– Правильно, ведь выбирать тебе, брат хоббит. Ты взял Эовин по нашему слову, и на сей раз будет так – куда ты, туда и мы с Малышом. Верно, Строри?

Маленький Гном энергично кивнул...

И вновь, томя душу великой, неоглядной беспредельностью, перед мысленным взором хоббита разворачивались просторы Средиземья. Золотистые пески Харада с крошечными зелёными точками, где вокруг подземных ключей цвела пустыня; мрачные горы Мордора – что там сейчас, в Земле Скорби? Голубизна Андуина, мало-помалу оправляющийся после Войны Олмера Минас-Тирит... Громады Белых гор и зелёный ковёр роханской привольной степи... Дальше, дальше, к дремучему Фангорну и окружённому недреманной стражей энтов Исенгарду... Стоп!

Там, северо-западнее Исены и Дунланда, по невидимым отсюда степным дорогам ползли, извиваясь, чёрные змеи полков. Пешие, конные, на широких боевых повозках с высокими бортами, на громадных волках... Хазги, хегги, ховары, дунландцы и иные, помельче, чьи названия оставались неведомы, – все они спорым воинским шагом шли на Юг и Юго-Восток – к Исенской дуге, к рубежу Рохана.

Война в Энедвейте началась, но совсем не так, как виделось королю Эодрейду.

Фолко досмотрел всё открывшееся ему до конца. В голове нарастала тупая боль, ломило затылок, жгло глаза, однако он упорно смотрел, пока не иссякли силы – его и Древобородова питья.

– В Рохане война! – огорошил он гномов, едва пришёл в себя. – Мир нарушен – и не Эодрейдом! – Фолко, как мог подробно, рассказал об увиденном.

– Ну, может, это даже и к лучшему, – выдохнул Малыш. – Король не нарушил слова...

– Он его всё равно нарушил, когда отправил нас сюда, – покачал головой Торин. – И кто знает, быть может, именно это его решение и подтолкнуло Весы...

– Но помыслить – ещё не значит совершить! – искренне возмутился Малыш.

– Иногда это не так, друг Строри...

– Как бы то ни было, флот эльдринов придётся очень даже кстати, – пожал плечами Маленький Гном. – И всё-таки странно ты рассуждаешь, Торин. Сколько ни говори «Пиво!» – во рту оно всё равно не появится. Мало ли кто что подумать может!

Торин лишь покачал головой. Лицо его оставалось мрачным.

– Иногда мне кажется... – негромко произнёс он, – что и с Олмером, быть может, всё обошлось бы, не кинься мы его убивать.

Тут уже подхватился и хоббит:

– Да ты что!.. Нас же сам Радагаст отправил!

– Вот именно. И оттого, что один из Майаров приложил к этому руку... всё так и получилось.

Малыш безнадежно присвистнул и махнул рукой.

– Хочешь, я тебе за пивом сбегаю, а? Что-то ты у нас заговариваться стал, друг Торин...

Однако тот лишь отмахнулся.

– Ну, зато теперь нам всё стало ясно, – пожав плечами, сменил тему Малыш. – В Рохане и без нас справятся. Берего хоть и косноязычнее собственного жеребца, но дело-то знает. А Эовин мы бросить не можем, хотя Эодрейд тогда нас точно проклянёт...

– Да пусть проклинает, – отмахнулся Фолко. – Как бы нам самим себя не проклясть, вот о чём думать надо. «Не пред людьми, перед собой будь чист» – кто сказал?

– Да, сказано верно, – кивнул Торин. – Я согласен с Фолко. Эодрейд на нас взъярится... что ж, найдём у кого полками командовать. У Беорнигов или в королевство Лучников подадимся...

– Чего гадать? – нахмурился Фолко. – Сперва Эовин спасти, а потом уж голову ломать...

– И то верно, – согласился Торин...

Сборы не заняли много времени. Фарнак и его друзья таны не поскупились – достали и выносливых хазгских лошадок, и всего остального, необходимого для дальнего и опасного пути через пустыню. Гномы увязывали последние тюки с поклажей, когда в дверь постучали.

Торин, прихватив на всякий случай топор, пошёл отворять. Времена, когда можно было крикнуть: «Входи, не заперто!» – давно и безвозвратно миновали.

– Кто?

– От тана Фарнака с приветом и словами: «Я проводник из Кханда!» – И гость назвал пароль.

– Тогда заходи, – откинул Торин запор.

Проводнику пришлось изрядно нагнуться, чтобы не расшибить лоб о низкую при-толку. Высокий, поджарый, узколицый, весь прокалённый солнцем, в просторной белой одежде, с накинутым на голову белым же капюшоном; в движениях его сквозила мягкая, ленивая грация опытного воина, хотя оружие на виду он не носил. Серые глаза эльдринга смотрели прямо и остро.

– Мой тан рассказал о вашем деле. – Кхандец неожиданно улыбнулся, блеснув ослепительно белыми зубами. – Это, я вам скажу, по мне! Чем безумнее, тем лучше!

По барханам скачущий – он подобен птице,
Соколу иль кречету голубых кровей,
Ну а кто размеренно едет по дороге —
Так его мужчиною непристойно звать! —

неожиданно продекламировал он. – А зовут меня Рагнур. Так прозвали в дружине – полное-то мое имя куда длиннее... Нам пора в дорогу. Тракт от Умбара до Хриссаады, столицы Харада, я знаю как свои пять пальцев. Не сомневайтесь, выручим девчонку!

Дневная жара спадала, уступая место мягким волнам катящейся с моря прохлады. Четверо всадников выехали за ворота Умбара.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ 1732 ГОД. РАЗГАР ЛЕТА

Глава I

ИЮЛЬ, 14, УМБАР, РЫНОК РАБОВ

– Фр-р-ха! – Тан Старх брезгливо кривил губы, оглядывая серую толпу выставленных им на продажу рабов. – Акулья сыть! – бросил он первому помощнику. – Кто их возьмёт-то?! В Хараде покупщики ныне разборчивы стали...

– Так иных-то где и взять? – принялся оправдываться помощник. – Вон до чего дошли – уже и ховрамами не брезгуем! Когда такое было?

– Акулья сыть! Было, пока этот болван Скиллудр за Олмером не пошёл...

– Вот именно! – поспешил поддакнуть первый. – Бывало, одних гондорских красоток везёшь, то ли дело! И барыш, и спокойствие... С руками отрывали!..

– Ладно, не трави душу... – сердито бросил Старх. – Ещё и Фарнак этот... проболтались из-за него на рейде, запоздали с погрузкой... Залбул-то уже ушёл, говорят, нас не дождался... Кому теперь всех этих дохляков сбывать станем?..

Первый помощник счёл за лучшее отмолчаться.

Громадную пыльную площадь невдалеке от городских стен Умбара занимал рынок рабов – ныне одна из главных статей торговли морского города. Тут тянулись длинные серые помосты с многочисленными кольцами – закованных в цепи невольников выгоняли на высокое место для всеобщего обозрения. Болтали, будто там одновременно продают тысяч по десять рабов – да только кто ж считал?..

Старх, по-прежнему кривясь, лишний раз оглядел свой товар. Мало! Две сотни голов – и это у него, первого охотника за рабами среди умбарских танов! И добро бы головы-то ещё оказались гондорские или там, скажем, роханские, так ведь нет! Жалкий восточный сброд, отребье, приползшее на Запад, держась за самый край плаща Олмера Великого! Старх глубоко их презирал. Ни на что, кроме как служить двуногим скотом и приносить ему, Старху, звонкую харадскую монету, они не годятся.

В шеренгах стояло сто сорок мужчин и всего лишь шестьдесят женщин. Набег оказался неудачен, кто-то предупредил деревенских обитателей, и большинство успело скрыться. Мужчины – глупцы! – попытались драться. Аккуратно, без лишней крови – труп не продашь, какая с него польза! – Старховы молодцы отрезали сопротивлявшихся от леса, окружили и принудили сложить оружие. Но мужчин-рабов в Хараде последнее время брали плохо. Вот женщины – другое дело. Они могут делать почти всю мужскую работу, а что надрываются и помирают до срока – так не беда, эльдринги новых привезут. И ещё одно, немаловажное – бабы склонны бунтовать куда меньше, нежели мужики.

Но и схваченными женщинами Старх недоволен. Молодые да пригожие успели попрытаться, ему достались лишь те, что постарше. Кривясь, точно от зубной боли, тан косился на широкие, плоские лица с высокими скулами и чуть раскосыми глазами. Женщины стояли тихо, покорно, сторбившись и не отрывая взглядов от помоста. Старх сплюнул. За самую милостивую едва ли дадут больше пяти монет... в то время как за золотоволосых роханских девушек платилось до пяти тысяч! Правда, Старху такие ещё не попадались ни разу, о чём он скорбел, однако в открытую подняться по Неоне и напасть на владения Эодрейда не решался.

Тан по привычке практически не слышал буйного многоголосья рынка. Эльдринги-владельцы никогда не расхваливали свой товар сами, этим занимались специально нанятые харадримы-кликальщики, что рвали глотки, призывая почтеннейших покупателей «...обратить свой милостивый взор именно на наших богатырей, красавиц, орлов и не смотреть на лихоманкой траченных трупачков да уродцев, что насупротив выставлены!».

Подобные крики таны давно уже пропускали мимо ушей. Харадримы покупают – вот пусть для них кликальщики и стараются...

Серый, безымянный рыбак из ховрарской деревни, стоял в толпе рабов Старха. Ноги его сковывала железная цепь, одним концом прикреплённая к общей для всего «гурта» невольников, и он единственный в вялой, сломленной, сдавшейся на милость победителя толпе смотрел прямо и спокойно. В нём что-то очень сильно изменилось, в этом Сером, после того как он бросился в волны, мечтая покончить наконец с опостылевшей жизнью...

Он не помнил, что было с ним. На мгновение, когда он уже погружался в зеленоватую пучину, перед мысленным взором внезапно мелькнуло лицо воина – сильное, суровое лицо с мощной густой бородою. Он был ещё молод, этот воин с притороченным за плечами клинком, но в осанке и облике его чувствовалась привычка побеждать и повелевать. Стоя на мощённом плитами крепостном дворе, воин внезапным движением вырвал из ножен меч – клинок засиял небесной голубизной – и вскинул его над головой, словно подавая знак к атаке...

И, непонятно почему, этот властный призыв – вперёд, на врага, не считая потерь! – придал сил тонущему Серому. Руки и ноги против его собственной воли вытолкнули тело на поверхность...

Там его и подобрал корабль Старха.

– И на кой он тебе! – бранил десятник воина, что бросил Серому конец верёвки. – Старый да седой – кому он нужен? За него и одной монеты не дадут! Смотри – не продадим, сам тогда за него заплатишь из доли добычи!

– Ничего, старый, да крепкий, – возражал эльдлинг. – Смотри, плечи какие! А что седой – то не беда...

Серый не произнёс ни слова, очутившись на палубе «дракона». Он молчал, когда его заковывали, молчал всё время пути к Умбару, молчал и сейчас, стоя на позорном помосте. И лишь в глазах – прежде бесцветных, а теперь вновь отчего-то становящихся карими – медленно разгорался холодный огонь.

Он вспоминал. Он мучительно вспоминал. Что сказал ему тот воин с голубым клинком? Откуда взялось это видение? Или же то был просто предсмертный бред, странным образом вернувший его, Серого... или нет, его же звали как-то иначе! – к жизни? Он не знал.

Но то, что он не всегда звался Серым, – теперь он ведал точно.

Наконец пожаловал и покупатель. Высокий, высохший, словно жердь, купец, чьи роскошные зелёные одеяния только оттеняли болезненную желтизну лица, неспешно, с достоинством повернул в проход, вдоль которого выстроились невольники Старха. Кликальщики разом утроили усилия, грозя сорвать себе глотки.

Мужчины-невольники остались безучастными. Женщины вытянули шеи – вдруг это покупатель? Серый же – единственный из рабов – взглянул купцу прямо в глаза, взглянул тяжело и пронзительно, так что харадрим споткнулся на ровном месте и пробормотал сердитое проклятие. Старх скривил губы – теперь наверняка не купит... у этих южных варваров споткнуться перед лавкой – значит, что товар оттуда принесёт несчастье...

Однако на сей раз это оказалось не так. Окинув взором кряжистых, не обделённых силой ховраров, покупатель в задумчивости вытянул губы трубочкой, пошлёпал ими и, махнув кликальщику, назвал цену.

Старх изумлённо поднял брови. Ну и дела! Все, оптом, и мужчины впервые за много времени дороже женщин! Но он не был бы таном, если бы уступил даже такому выгодному предложению без торга.

– Сейчас, сейчас, – отмахнулся харадрим. Он вновь пристально вглядывался в ряды невольников, пока не столкнулся с горящим взором Серого. Купец невольно сглотнул и поспешил отвернуться.

– Так... я беру. Значит, твоя цена...

Окончив торг, Старх только и мог усмехаться да покачивать головой, глядя ладонью под лёгким плащом тугой мешочек с золотом. Удачно! До чего же удачно!.. В ушах всё ещё звенели последние слова странного покупателя:

– Вези больше, тан, нам нужны крепкие молодые мужчины и женщины, чтобы слушать их с мужчинами...

Это уже нечто новенькое! Но стоит ли благородному морскому тану размышлять над причудами грязных варваров? Если у дурака много денег, сделай так, чтобы они оказались у тебя – ты распорядишься ими разумнее...

В тот же день, едва успев запастись провиантом и пресной водой, небольшая флотилия Старха покинула Умбар. И не он один. Харадримы скупили всех выставленных на продажу рабов и всем продавцам говорили одно – везите ещё. Везите много!..

Скованные одной длинной цепью невольники пара за парой вытягивались за ворота Умбара. Стража привычно смотрела равнодушными взорами: здесь такое происходило каждый день. Правда, не в таких количествах. С рассвета до заката из города вышло не менее десяти тысяч невольников – такого не случалось ещё ни разу, ни во времена расцвета Умбара Корсаров, ненавистников Гондора, ни в те недолгие десять лет, что крепостью владел Морской народ.

Первый переход. Новые хозяева заботились о купленной собственности: караван двигался ночью, днём укрывшись от палящего солнца в специально устроенном городке из навесов. Разносили в чашках мутную, чуть солоноватую воду.

Тощий купец с двумя коренастыми охранниками оглядывал толпу. Чтобы поддерживать порядок, не хватит и сотни воинов, если сами рабы не начнут смотреть друг за другом. Давно известен испытанный приём – разделяй и властвуй... Намётанный взгляд торговца мгновенно заметил немолодого невольника, отличавшегося гордой осанкой, – он не казался ни забитым, ни подавленным.

Серый выделялся из толпы рабов, как выделяется волк среди дворян.

– Ты!.. – Палец купца упёрся в грудь Серому. – Будешь старшим над караваном. Смотри, если эта падаля начнёт помирать раньше, чем мы дойдём до Хриссаады, я оставлю тебя в пустыне одного, связанного, чтобы тобой полакомились песчанники!

Серый молча кивнул. И вновь купец отвернулся, не в силах вынести взгляда презренного, только что купленного им невольника...

Серый взялся за дело.

– Эй, парень! – Его негромкий голос отчего-то заставлял всех остальных немедленно смолкать. – Оставь воду. Ты уже получил своё.

Невольник – самый, пожалуй, крепкий из пленных – глумливо оскалился:

– Ба, Серый! А я-то всё гадал, отчего это твоя рожа мне знакома?

Этот раб раньше жил в соседней деревне с Серым. И сейчас, как и принято у ему подобных, намеревался отобрать чашку с водой у какой-то женщины.

– Оставь воду, – повторил Серый, и все окружающие стали отчего-то поспешно отползать в стороны, насколько позволяла длина цепей.

Соперник выпрямился:

– Ты ещё будешь тут распоряжаться!..

Серый и не подумал уклоняться. Только весь напрягся – и кулак невольника, вместо того чтобы врезаться ему в скулу, безвольно опустился. Мужик взвыл, схватившись за кисть, – ему показалось, он словно ударил по каменной стене. Серый даже не шелохнулся, и глаза его горели чёрным пламенем.

– Оставь воду, – в третий раз негромко сказал он, и на сей раз ослушник уже не возражал.

Рабы смотрели на Серого с ужасом. А потом у какой-то женщины вырвалось: «Серый, Серый, спаси нас, Серый!..»

По охваченному отчаянием людскому муравейнику прошла мгновенная судорога. Звенья цепями, люди качнулись к Серому, протягивая руки, из глоток рвался не то стон, не то звериный хрип...

Рыбак остался стоять неподвижно, только глаза разгорались всё ярче, и окружавшим невольникам казалось: скажи он сейчас их оковам: «Падите прочь!» – и железные браслеты исчезнут, как наваждение...

Но надсмотрщики тоже не зря ели свой хлеб. Засвистели бичи, замелькали дубинки, несколько лучников наложили стрелы, и дрожащее многотелое существо, многорукое и многоногое, замерло, скорчилось, в ужасе завывая под ударами...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.